

Владимир Высоцкий Нерв

В. Высоцкий

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Эта книга – не песенник. Хотя, составляя ее и перечитывая стихи Владимира Высоцкого, я все время слышал его голос. За каждой строкой слышал, за каждым словом. И даже тогда, когда встречались абсолютно незнакомые стихи, все равно где-то далеко в глубине возникла и звучала мелодия. И голос Высоцкого звучал, голос, который продолжает жить... Давно уже замечено, что когда умирает известный человек, то число его «посмертных друзей» сразу же начинает бешено расти, в несколько раз превышая количество друзей реальных, тех, которые были при жизни. И объяснить это явление, в общем-то можно: ведь всегда находятся люди, жаждущие погреться в лучах чей-нибудь славы – хотя бы и посмертной. Тем более что обладатель этой славы уже не в силах никому возразить, не в силах что – либо опровергнуть. Поэтому и витийствуют в табачном дыму застоллий новоявленные «близкие друзья» и «закадычные приятели», поэтому они и «вспоминают»: «Шли мы как-то с Владимиром Высоцким по Басманной...», или: «Забегаю это я однажды к Высоцкому, а он мне говорит...», или – еще хлеще: «А с Володькой мы были – водой не разольешь!..». Я знаю, как много таких «вспоминателей» объявилось теперь у Высоцкого. Ну да бог с ними, пусть потешаться!.. Я – не о них. Я – о том, что у Высоцкого и у его песен и в самом деле великое множество истинных, серьезных друзей! Тех самых друзей, ради которых он работал и для которых жил. Наверное, у каждого человека, знакомого с песенным творчеством Владимира Высоцкого, есть, так сказать, «свой собственный Высоцкий», есть песни, которые нравятся больше других. Нравятся потому, что они чем-то роднее, ближе, убедительнее. «Свой Высоцкий» есть и у меня. Был такой вроде бы неплохой фильм – «Вертикаль». Был и прошел. А песни, написанные Высоцким для этого фильма, остались. Были еще фильмы, были спектакли, которые «озвучивал» Высоцкий, и очень часто песни, созданные им, оказывались как бы на несколько размеров больше самого фильма или спектакля. Каждый раз у этих пе-

сен начиналась своя отдельная (и очень интересная!) жизнь. Они сразу же шли к людям, шли, будто бы минуя экран или сцену. И особенно ясно это понимаешь, когда вслушиваешься в песни, написанные Владимиром Высоцким о войне...

Почему все не так?
Вроде все как всегда:
То же небо, опять голубое,
Тот же лес, тот же воздух и та же вода,
Только он не вернулся из боя.

Он молчал невпопад и не в такт подпевал
Он всегда говорил про другое,
Он мне спать не давал, он с восходом вставал,
А вчера не вернулся из боя.

То, что пусто теперь, – не про то разговор,
Вдруг заметил я: Нас было двое...
Для меня словно ветром задуло костер,
Когда он не вернулся из боя.

Нам и места в землянке хватало вполне,
Нам и время текло для обоих...
Все теперь одному, только кажется мне,
Это я не вернулся из боя.

На мой взгляд, песня «Он не вернулся из боя» – одна из главных в творчестве Высоцкого. В ней, помимо интонационной и психологической достоверности, есть и ответ на вопрос: почему поэт, человек, который по своему возрасту явно не мог принимать участия в войне, все-так пишет о ней, более того – не может не писать? Все дело в судьбе. В твоей личной судьбе, которая начинается вовсе не в момент рождения человека, а гораздо раньше. В личной человеческой судьбе, которая никогда не бывает чем-то отдельным, обособленным от других людских судеб. Она, твоя судьба, – часть общей огромной судьбы твоего народа. И существуешь ты на земле, продолжая не только собственных родителей, но и многих других людей. Тех которые жили до тебя. Тех, которые когда-то защитили твой первый вздох, первый крик, первый шаг по земле. Песни Высоцкого о войне – это, прежде всего, песни очень настоящих людей. Людей из плоти и крови. Сильных, усталых, мужественных, добрых. Таким людям можно доверить и собственную жизнь, и Родину. Такие не подведут.

Сегодня не слышно биения сердец.
Оно для аллей и беседок.
Я падаю, грудью хватая свинец,
Подумать успев напоследок:

«На этот раз мне не вернуться.
Я уйду – придет другой.
Мы не успели, не успели, не успели оглянуться,
А сыновья, а сыновья уходят в бой».

Именно так и продолжается жизнь, продолжается общая судьба и общее дело людей. Именно так и переходят от родителей к детям самые значительные, самые высокие понятия... У Владимира Высоцкого есть песни, которые чем-то похожи на роли. Роли из никем не поставленных и – более того – никем еще не написанных пьес. Пьесы с такими ролями, конечно, могли бы

быть написаны, могли бы появиться на сцене. Пусть не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра. Но дело в том, что ждать до завтра Высоцкий не хотел. Он хотел играть эти роли сегодня, сейчас, немедленно! И поэтому сочинял их сам, сам был режиссером и исполнителем. Он торопился, примеряя на себе одежды, характеры и судьбы других людей – смешных и серьезных, практичных и бесшабашных, реальных и выдуманных. Он влезал в их заботы, проблемы, профессии и жизненные принципы, демонстрировал их способ мыслить манеру говорить. Он импровизировал, увлекался, преувеличивал, был дерзок и насмешлив, дразнил и разоблачал, одобрял и поддерживал. И причем все это он делал так талантливо, так убедительно, что иные слушатели даже путали его с теми персонажами, которых он изображал в своих песнях. Путали и – восторгались. Путали и – недоумевали. А Высоцкий вроде бы и не обращал на это никакого внимания. Он снова и снова выходил на сцену, продолжая сочинять и петь свои – всегда неожиданные, разноплановые, злобные – «песни – роли». И в общем-то это уже были не роли, а скорее, – целые пьесы со своими неповторимыми характерами, непридуманными конфликтами, точно выстроенным сюжетом. Исполняя их, Высоцкий мог быть таким грохочущим, таким штормовым. И бушующим, что людям, сидящим в зале, приходилось, будто от сильного ветра, закрывать глаза и втягивать головы в плечи. И казалось: еще секунда – и рухнет потолок, и взорвутся динамики, не выдержав напряжения, а сам Высоцкий упадет, задохнется, умрет прямо на сцене... Казалось: на таком нервном накале невозможно петь, нельзя дышать! А он пел. Он дышал. Зато следующая его песня могла быть потрясающе тихой. И от этого она еще больше западала в душу. Высоцкий только что казался пульсирующим сгустком нервов, вдруг становится воплощением возвышенного спокойствия, становится человеком, постигшим все тайны бытия. И каждое слово звучало по-особому трепетно:

Я поля влюбленным постелю,
Пусть поют во сне и наяву!
Я дышу – и, значит, я люблю!
Я люблю – и, значит, я живу!

Высоцкий пробовал себя в разных интонациях, он искал для своих «пьес» все новые и новые краски, новые детали, и поэтому его песни имеют несколько авторских вариантов, изменений, сокращений. И в этом – тоже он, Высоцкий, – его натура, его неудовлетворенность собой, его способ творчества. Можно сказать, что дверь в его «творческую лабораторию» была постоянно распахнута. Он был весь на виду. Со всеми своими удачами и неудачами, находками и проколами, сомнениями и убежденностью. Он написал много песен. И, конечно, не все они ровные. Но это всегда неровность дороги, ведущей к постижению истины, к открытию людей и, значит, – к открытию самого себя. Он никогда не пел свои песни свысока, никогда не стоял над зрителями, над слушателями. И эстрада (впрочем, также, как и сцена и съемочная площадка) была для него не пьедесталом, а местом, откуда его просто-напросто лучше видно и лучше слышно. А еще она была местом его работы. Работы – с полной отдачей. На износ. Всегда и во всем... Много раз я слышал, как его песни исполняли и другие порою очень хорошие певцы. Не могу сказать, что эти певцы недостаточно старались. Нет, они вкладывали в каждую песню все свое умение, весь свой темперамент и опыт! А песня всё равно получалась какой-то другой, разученной, вероятно на прокат. Она – будто одежда с чужого плеча – то морщила на спине, то жала в груди, а то вообще расплзалась по швам. И дело тут даже не в своеобразной исполнительской манере Высоцкого. Ведь в конце концов любую манеру можно скопировать. Манеру можно, а душу – нельзя... Он был невероятно популярен. Достать билет на его выступление было намного труднее, чем «пробиться» летом в сочинскую или ялтинскую гостиницу. Но если для нормальных людей Владимир Высоцкий был своим, был близким, необходимым и любимым актером, то для мещанствующих снобов он, прежде всего, был «модным». Я ненавижу публику так называемых «престижных» премьер. Не всю, конечно, публику, а ее самодовольную (кстати, не такую уж и малочисленную) – снобистскую часть. Ненавижу типов которые появляются на премьерах вовсе не потому, что в каждом первом спектакле (или концерте) есть, как в рождении ребенка, какая-то

щемящая торжественность, соединение боли и радости, достигнутого и недостижимого. Нет, быть на премьере – для снобов не самое главное, для них главное – попасть туда! Попасть, чего бы это ни стоило, «отметится», хотя бы только для того, чтобы после обзвонить «не попавших»: «Как, вы не были?! Ну-у, многое потеряли!.. Там была такая-то с таким-то... И это был... И та... Нет, честное слово, жалко, что вас не было! Мы, например, всегда ходим...» Именно такие мещанствующие снобы распускали о Высоцком нелепые, почти фантастические сплетни и слухи, и в то же самое время заискивали и лебезить перед ним. О, как им хотелось, чтобы он – Высоцкий – стал бы для них «своим в доску», «рубашкой-парнем», закадычным «дружком-приятелем»! А он ненавидел мещан. И снобов – презирал. Любых. Недаром у него есть горькая и злая песня, которая заканчивается такими словами:

Не надо подходить к чужим столам,
И отзываться, если окликают.

Однако когда Владимира Высоцкого окликали не снобы, а люди – просто люди, – он поворачивался к ним охотно, поворачивался всем корпусом и отзывался всем сердцем! Вспомните, к примеру, его «сказочные песни». Те самые, которые он писал для «Алисы в стране чудес», для кинофильма «Иван да Марья» и просто так – для себя. Дети, общаясь со взрослыми, моментально распознают, кто из взрослых с ними – на равных, а кто только «прикидывается» ребенком. Так, вот сочиняя свои «детские сказочные песни», Владимир Высоцкий ребенком никогда не прикидывался. Он просто был им. За хриплым напряженным голосом и жесткой манерой пения до поры до времени скрывалась восторженная и добрая ребячья душа, прятался человек, гордый на выдумку и озорство, умеющий верить в чудо и создавать его...

Догонит ли в воздухе, или шалишь,
Летучая кошка летучую мышшь?
Собака летучая – кошку летучую?...

Эти «вечные вопросы» детства задает себе Алиса, и слезы ее текут конечно же – в «слезовитый океан»... А вот как трогательно и вместе с тем категорично звучит серенада влюбленного соловья-разбойника из другой – более взрослой – сказки:

Входи, я тебе посвищу серенаду,
Кто тебе серенаду еще посвистит?
Сутки кряду могу до упаду,
Если муза меня посетит.

Я пока еще только шутю и шалю.
Я пока на себя не похож,
Я обиду стерплю,
Но когда я вспылю,
Я дворец подпалю,
Подпилю,
Развалю,
Если ты на балкон не придешь...

Ну, кто, по-вашему, сможет устоять перед такими доводами влюбленного? Да никто на свете!.. В одной из «сказочных песен» Высоцкий задает вопрос, удивительный по своей «детскости» и мудрости:

...что остается от сказки потом,
После того, как ее рассказали?...

А действительно – что? Могу сказать: когда я впервые услышал эти песни, у меня долго не проходило какое-то особенное ощущение свежести, улыбки, доброты. И я еще больше поверил в истину: даже тогда, когда в начале сказки все «страшно, аж жуть!», в конце ее все страхи обязательно исчезают, там непременно светит солнце, и торжествует добро! Так что, после того как сказку рассказали, остается многое. В том числе и чисто профессиональное уважение к Высоцкому. Ведь по этим стихам видно, как радостно он работал над ними, буквально «купаясь» в тьме! Я даже вижу, как он улыбается, записывая лихие, частушечные, виртуозно сделанные строки:

Много тыщ имеет кто
Тратьте тыщи те.
Даже то, не знаю что,
Здесь отыщите...

Так поют скоморохи на сказочной ярмарке. А вот как начинается песня царских глашатаев:

Если кровь у кого горяча,
Саблей бей, пикой лихо коли.
Царь дарует вам шубу с плеча
Из естественной выхуоли...

Такого раскованного и – одновременно – точного обращения со словом, непринужденного владения разговорными интонациями в стихах добиться очень трудно. А Высоцкий добивался. Но он умел быть не только добрым. И не только покладистым. Когда некоторые «весьма специфические» зарубежные доброхоты пробовали его «на излом», то Высоцкий, оставаясь самим собой, разговаривал с ними жестко и однозначно. Родину свою в обиду он не давал никому. Помню, как в октябре 1977 года группа советских поэтов приехала в Париж для участия в большом вечере поэзии. Компания подобралась достаточно солидная: К. Симонов, Е. Евтушенко, О. Сулейменов, Б. Окуджава, В. Коротич, М. Сергеев, Р. Давоян. Был в нашей группе и Владимир Высоцкий. Устроители вечера явно сэкономили на рекламе. Точнее, она отсутствовала напрочь! И конечно же нам говорили: «Стихи?! в Париже?! абсурд!.. вот увидите – никто не придет!..» Мы увидели. Пришли две с половиной тысячи человек. Высоцкий выступал последним. Но это его выступление нельзя было назвать точкой в конце долгого и явно удлинившегося вечера. Потому что это была не точка, а яростный и мощный восклицательный знак!.. Так кем же он все-таки был – Владимир Высоцкий? Кем он был больше всего? актером? поэтом? певцом? Я не знаю. Знаю только, что он был личностью. Явлением. И факт этот в доказательствах уже не нуждается... Высоцкий продолжает свою жизнь. Его сегодня можно услышать в городских многоэтажках и сельских клубах, на огромных стройках и на маленьких полярных станциях, в рабочих общежитиях и в геологических партиях. Вместе с нашими кораблями песни Высоцкого уходят в плаванья по морям и океанам нашей планеты. Вместе с самолетами взмывают в небо. А однажды даже из космоса донеслось:

Если друг оказался вдруг
И не друг и не враг, а так.
Если сразу не разберешь,
Плох он или хорош.
Парня в горы тяни – рискни.
Не бросай одного его.
Пусть он в связке одной с тобой.
Там поймешь, кто такой...

Эту песню пел звездный дуэт космонавтов в составе В. Коваленка и А. Иванчекова. И надо сказать, что здесь все было на высоте – и песня, и исполнение!.. Лучшие песни Владимира Высоцкого – для жизни. Они друзья людей. В песнях этих есть то, что может поддержать тебя в трудную минуту, – есть неистощимая сила, непоказная нежность и размах души человеческой. А еще в них есть память. Память пройденных дорог и промчавшихся лет. Наша с вами память...

...но кажется мне, не уйдем мы с гитарой
На заслуженный, но нежеланный покой...

Правильно написал!

/Роберт Рождественский/

ПЕСНЯ ПЕВЦА У МИКРОФОНА¹

Я весь в свету, доступен всем глазам.
Я приступил к привычной процедуре:
Я к микрофону встал, как к образам,
Нет-нет, сегодня – точно к амбразуре.

И микрофону я не по нутру
Да, голос мой любому опостылет.
Уверен, если где-то я совру,
Он ложь мою безжалостно усилит.

Бьют лучи от лампы мне под ребра,
Светят фонари в лицо недобро,
И слепят с боков прожектора,
И жара, жара².

Он, бестия, потоньше остряя.
Слух безотказен, слышит фальшь до йоты.
Ему плевать, что не в ударе я,
Но пусть, я честно выпеваю ноты.

Сегодня я особенно хриплю,
Но изменить тональность не рискую.
Ведь если я душою покривлю,
Он ни за что не выправит кривую.

На шее гибкой этот микрофон

¹ Тексты печатаются в соответствии с уже опубликованными, записанными в авторском исполнении на пластинках и магнитофонных лентах, а также в соответствии с текстами, переданными издательству вдовой поэта Мариной Влади. Сложность издания сборника заключается в том, что автор не успел подготовить своей книги к печати — составителю и издательству пришлось самим из многих вариантов одних и тех же стихотворений, строф и строк выбирать наиболее совершенные в художественном отношении. При отборе текстов издательство стремилось представить читателям прежде всего Высоцкого — поэта. Издательство «Современник» сердечно благодарит отца поэта — Семена Владимировича Высоцкого за участие в работе над рукописью.

² Рефрен «Бьют лучи...» в авторском исполнении под музыку повторяется после каждой строфы

Своей змеиной головою вертит.
Лишь только замолчу, ужалит он.
Я должен петь до одури, до смерти.

Не шевелись, не двигайся, не смей.
Я видел жало: ты змея, я знаю.
А я сегодня – заклинатель змей,
Я не пою, а кобру заклинаю.

Прожорлив он, и с жадностью птенца
Он изо рта выхватывает звуки.
Он в лоб мне вlepит девять грамм свинца.
Рук не поднять – гитара вяжет руки.

Опять не будет этому конца.
Что есть мой микрофон? Кто мне ответит?
Теперь он – как лампада у лица,
Но я не свят, и микрофон не светит.

Мелодии мои попроще гамм,
Но лишь сбиваюсь с искреннего тона,
Мне сразу больно хлещет по щекам
Недвижимая тень от микрофона.

Я освещен, доступен всем глазам.
Чего мне ждать: затишья или бури?
Я к микрофону встал, как к образам.
Нет-нет, сегодня точно – к амбразуре.

МЫ ВРАЩАЕМ ЗЕМЛЮ

Из дорожного дневника

Ожидание длилось, а провода были недолги.
Пожелали друзья: «В добрый путь, чтобы все без помех».
И четыре страны предо мной расстелили дороги,
И четыре границы шлагбаумы подняли вверх.

Тени голых берез добровольно легли под колеса,
Залоснилось шоссе и штыком заострилось вдали.
Вечный смертник – комар разбивался у самого носа,
Превращая стекло лобовое в картину Дали.

И сумбурные мысли, лениво стучавшие в темя,
Всколыхнули во мне ну попробуй-ка останови.
И в машину ко мне постучало военное время.
Я впустил это время, замешанное на крови.

И сейчас же в кабину глаза из бинтов заглянули
И спросили: «Куда ты? на запад? вертайся назад...»

Я ответить не мог: по обшивке царапнули пули.
Я услышал: «Ложись! берегись! проскочили! бомбят!»

И исчезло шоссе – мой единственный верный фарватер.
Только елей стволы без обрубленных минами крон.
Бестелесный поток обтекал не спеша радиатор.
Я за сутки пути не продвинулся ни на микрон.

Я уснул за рулем. Я давно разомлел до зевоты.
Ущипнуть себя за ухо или глаза протереть?
Вдруг в машине моей я увидел сержанта пехоты.
«Ишь, трофейная пакость, – сказал он, удобно сидеть».

Мы поели с сержантом домашних котлет и редиски.
Он опять удивился: «Откуда такое в войну?»
Я, браток, – говорит, – восемь дней как позавтракал в Минске.
Ну, спасибо, езжай! будет время, опять загляну...»

Он ушел на восток со своим поредевшим отрядом.
Снова мирное время в кабину вошло сквозь броню.
Это время глядело единственной женщиной рядом.
И она мне сказала: «Устал? Отдохни – я сменю».

Все в порядке, на месте. Мы едем к границе.
Нас двое. Тридцать лет отделяет от только что виденных встреч.
Вот забегали щетки, отмыли стекло лобовое.
Мы увидели знаки, что призваны предостеречь.

Кроме редких ухабов ничто на войну не похоже.
Только лес молодой, да сквозь снова налипшую грязь
Два огромных штыка полоснули морозом по коже,
Остриями – по мирному кверху, а не накренься.

Здесь, на трассе прямой, мне, не знавшему пуль, показалось,
Что и я где-то здесь довоёвывал невдалеке.
Потому для меня и шоссе, словно штык, заострялось,
И лохмотия свастик болтались на этом штыке.

Песня о моем старшине

Я помню райвоенкомат.
«В десант не годен. Так-то, брат.
Таким как ты, там невпротык...» и дальше – смех.
«Мол, из тебя какой солдат,
тебя – так сразу в медсанбат...»
А из меня такой солдат, как изо всех.

А на войне, как на войне.
А мне и вовсе, мне – вдвойне.
Присохла к телу гимнастерка на спине.
Я отставал, сбоил в строю.

Но как-то раз в одном бою,
Не знаю чем, я приглянулся старшине.

Шумит окопная братва:
«Студент, а сколько дважды два?
Эй, холостой! А правда графом был Толстой?
И кто евоная жена?...»
Но тут встретал мой старшина:
«Иди поспи, ты ж не святой, а утром – бой».

И только раз, когда я встал
Во весь свой рост, он мне сказал:
«Ложись!..» – и дальше пару слов без падежей.
«К чему те дырка в голове?!»
И вдруг спросил: «А что, в Москве
Неужто вправду есть дома в пять этажей?...»

Над нами шквал. Он застонал,
И в нем осколок остывал,
И на вопрос его ответить я не смог.
Он в землю лег за пять шагов,
За пять ночей, и за пять снов,
Лицом на запад и ногами на восток.

Черные бушлаты

Посвящается Евпаторийскому десанту

За нашей спиной остались паденья, закаты,
Ну хоть бы ничтожный, ну хоть бы невидимый взлет!
Мне хочется верить, что черные наши бушлаты
Дадут нам возможность сегодня увидеть восход.

Сегодня на людях сказали: «Умрите героически!»
Попробуем, ладно, увидим, какой оборот.
Я только подумал, чужие куря папироски:
Тут кто как сумеет, мне важно увидеть восход.

Особая рота – особый почет для сапера.
Не прыгайте с финкой на спину мою из ветвей.
Напрасно стараться, я и с перерезанным горлом
Сегодня увижу восход до развязки своей.

Прошлись по тылам мы, держась, чтоб не резать их сонных,
И тут я заметил, когда прокусили проход:
Еще несмышленный, зеленый, но чуткий подсолнух
Уже повернулся верхушкой своей на восход.

За нашей спиной в шесть тридцать остались, я знаю,
Не только паденья, закаты, но взлет и восход.
Два провода голых, зубами скрипя, зачищаю.

Восхода не видел, но понял: Вот-вот и взойдет.

Уходит обратно на нас поредевшая рота.
Что было – не важно, а важен лишь взорванный форт.
Мне хочется верить, что черная наша работа
Вам дарит возможность беспошлинно видеть восход.

Высота

Вцепились они в высоту, как в свое.
Огонь минометный, шквальный
Но снова мы лезем, хрипя, на нее
За вспышкой ракеты сигнальной.

Ползли к высоте в огневой полосе,
Бежали и снова ложились,
Как будто на этой высотке все-все
Дороги и судьбы скрепились.

И крики «Ура!» застывали во рту,
Когда мы пули глотали.
Шесть раз занимали мы ту высоту,
Шесть раз мы ее оставляли.

И снова в атаку не хочется всем,
Земля – как горелая каша.
В седьмой – мы возьмем ее насовсем.
Свое возьмем, кровное, наше.

А может, ее стороной обойти.
Да что мы к ней так прицепились?!
Но, видно, уж точно все судьбы-пути
На этой высотке скрестились.

Все наши деревни, леса, города
В одну высоту эту слились.
В одну высоту, на которой тогда
Все судьбы с путями скрестились.

Альпийские стрелки³

Мерцал закат, как блеск клинка,
Свою добычу смерть искала.
Бой будет завтра, а пока
Взвод зарывался в облака
И уходил по перевалам.

Отставить разговоры.

³ Из кинофильма «Вертикаль».

Вперёд и вверх, а там –
Ведь это наши горы,
Они помогут нам.
Они помогут нам!

А до войны вот этот склон
Немецкий парень брал с тобой.
Он падал вниз, но был спасен,
А вот сейчас, быть может, он
Свой автомат готовит к бою.

Отставить разговоры.
Вперёд и вверх, а там –
Ведь это наши горы,
Они помогут нам.
Они помогут нам!

Ты снова здесь, ты собран весь.
Ты ждешь заветного сигнала.
А парень тот – он тоже здесь,
Среди стрелков из «Эдельвейс».
Их надо сбросить с перевала.

Отставить разговоры.
Вперёд и вверх, а там –
Ведь это наши горы,
Они помогут нам.
Они помогут нам!

Расстрел горного эха

В тиши перевала, где скалы ветрам не помеха, помеха,
На кручах таких, на какие никто не проник, никто не проник,
Жило-поживало весёлое горное, горное эхо.
Оно отзывалось на крик, человеческий крик.

Когда одиночество комом подкатит под горло, под горло,
И сдавленный стон еле слышно в обрыв упадет, в обрыв упадет,
Крик этот о помощи эхо подхватит, подхватит проворно,
Усилит и бережно – в руки своих – донесет.

Должно быть, не люди, напившись дурмана и зелья, и зелья,
Чтоб не был услышан никем громкий топот и храп, топот и храп,
Пришли умертвить, обеззвучить живое, живое ущелье,
И эхо связали, и в рот ему всунули кляп.

Всю ночь продолжалась кровавая злая потеха, потеха,
И эхо топтали, но звука никто не слышал, никто не слышал...
К утру расстреляли притихшее горное, горное эхо,
И брызнули слезы, как камни, из раненых скал...
И брызнули слезы, как камни, из раненых скал...

Разведка боем

Я стою и все стоят, построюсь...
Только добровольцы – шаг вперед.
Нужно провести разведку боем.
Для чего? Кто ж сразу разберет.

Кто со мною? С кем идти?
Так, – Борисов, так, – Леонов,
И еще этот тип
Из второго батальона!

Мы ползем, к ромашкам припадая.
Ну-ка, старшина, не отставай!
Ведь на фронте два передних края:
Наш, а вот он, их передний край.

Кто ж со мною? С кем идти?
Так, – Борисов, так, – Леонов,
И еще этот тип
Из второго батальона!

Проволоку грызли без опаски.
Ночь, темно, и не видать ни зги.
В двадцати шагах чужие каски
С той же целью – защитить мозги.

Кто со мною? С кем идти?
Здесь, Борисов, здесь, Леонов,
Ох еще этот тип
Из второго батальона!

Скоро будет Надя с шоколадом⁴.
В шесть они подавят нас огнем.
Хорошо, нам этого и надо.
С богом, потихонечку начнем.

С кем обратно ползти?
Так, – Борисов, где Леонов?!
Эй, ты жив?! Эй, ты, тип
Из второго батальона.

Наш НП, наверное, в восторге,
Но фуражки сняли из-за нас.
Правильно. Считай, что двое в морге,
Двое остаются про запас.

Кто со мною? С кем идти?

⁴ *Надя с шоколадом* — так в войну наши бойцы называли реактивный миномет.

Где Борисов, где Леонов?
Рядом лишь этот тип
Из второго батальона...

Пулю для себя не оставляю.
ДЗОТ накрыт, и рассекречен ДОТ.
Этот тип, которого не знаю,
Очень хорошо себя ведет.

С кем в другой раз идти?
Где Борисов, где Леонов?
Правда, жив этот тип
Из второго батальона.

Я стою спокойно перед строем.
В этот раз стою к нему лицом.
Кажется, чего-то удостоен,
Награжден и назван молодцом.

С кем в другой раз идти?
Где Борисов, где Леонов,
И парнишка затих
Из второго батальона.

Он не вернулся из боя⁵

Почему все не так? Вроде все как всегда:
То же небо, опять голубое,
Тот же лес, тот же воздух и та же вода,
Только он не вернулся из боя.

Мне теперь не понять, кто же прав был из нас
В наших спорах без сна и покоя.
Мне не стало хватать его только сейчас,
Когда он не вернулся из боя.

Он молчал невпопад и не в такт подпевал,
Он всегда говорил про другое,
Он мне спать не давал, он с восходом вставал,
А вчера не вернулся из боя.

То, что пусто теперь, не про то разговор:
Вдруг заметил я – нас было двое...
Для меня словно ветром задуло костер,
Когда он не вернулся из боя.

Нынче вырвалась, будто из плена, весна,
По ошибке окликнул его я:
«Друг, оставь покурить», – а в ответ – тишина...

⁵ Песня использована в фильмах «Сыновья уходят в бой» и «Мерседес уходит от погони».

Он вчера не вернулся из боя.

Наши мертвые нас не оставят в беде,
Наши павшие – как часовые...
Отражается небо в лесу, как в воде,
И деревья стоят голубые.

Нам и места в землянке хватало вполне,
Нам и время текло для обоих...
Все теперь одному, только кажется мне,
Это я не вернулся из боя.

Звезды⁶

Мне этот бой не забыть нипочем.
Смертью пропитан воздух,
А с небосклона бесшумным дождем
Падали звезды.

Вон снова упала, и я загадал:
Выйти живым из боя...
Так свою жизнь я поспешно связал
С глупой звездой.

Я уж решил: миновала беда
И удалось отвертеться...
Но с неба свалилась шальная звезда
Прямо под сердце.

Нам говорили: «Нужна высота!»
И «Не жалеть патроны!..»
Вон покати́лась вторая звезда
Вам на погоны.

Звезд этих в небе, как рыбы в прудах,
Хватит на всех с лихвою.
Если б не насмерть – ходил бы тогда
Тоже героем.

Я бы звезду эту сыну отдал,
Просто на память...
В небе висит, пропадает звезда
Некуда падать.

Песня о госпитале⁷

⁶ Из кинофильма «Я родом из детства».

⁷ Написана для кинофильма «Я родом из детства».

Жил я с матерью и батей
На Арбате, век бы так,
А теперь я в медсанбате
На кровати, весь в бинтах.

Что нам слава, что нам Клава –
Медсестра и белый свет.
Помер мой сосед, что справа,
Тот, что слева – еще нет.

И однажды, как в угаре,
Тот сосед, что слева, мне
Вдруг сказал: «Послушай, парень,
У тебя ноги-то нет».

Как же так, неправда, братцы,
Он, наверно, пошутил.
«Мы отрежем только пальцы»
Так мне доктор говорил.

Но сосед, который слева,
Все смеялся, все шутил.
Даже если ночью бредил,
Все про ногу говорил.

Издевался: «Мол, не встанешь,
Не увидишь, мол, жены,
Поглядел бы ты, товарищ,
На себя со стороны...»

Кабы не был я калека
И слезал с кровати вниз,
Я б тому, который слева,
Просто глотку перегрыз.

Умолял сестричку Клаву
Показать, какой я стал...
Был бы жив сосед, что справа,
Он бы правду мне сказал.

Песня о новом времени⁸

Как призывный набат прозвучали в ночи тяжело шаги,
Значит, скоро и нам уходить и прощаться без слов.
По нехоженным тропам протопали лошади, лошади,
Неизвестно к какому концу унося седоков.

Наше время иное, лихое, но счастье, как встарь ищи!
И в погоню летим мы за ним, убегающим, вслед.

⁸ Из кинофильма «Война под крышами».

Только вот в этой скачке теряем мы лучших товарищей,
На скаку не заметив, что рядом товарищей нет.

И еще будем долго огни принимать за пожары мы,
Будет долго казаться зловещим нам скрип сапогов.
Про войну будут детские игры с названиями старыми,
И людей будем долго делить на своих и врагов.

А когда отгрохочет, когда отгорит и отплачется,
И когда наши кони устанут под нами скакать,
И когда наши девушки сменят шинели на платья,
Не забыть бы тогда, не простить бы и не потерять...

Аисты⁹

Небо этого дня ясное,
Но теперь в нем броня лязгает.
А по нашей земле гул стоит,
И деревья в смоле грустные.
Разбрелись все от бед в стороны.
Певчих птиц больше нет вороны!

Колос в цвет янтаря... успеем ли?
Нет. Выходит, мы зря сеяли.
Что ж там цветом в янтарь светится?
Это в поле пожар мечется.
Дым и пепел встают как кресты.
Гнезд по крышам не вьют аисты.

И деревья в пыли к осени.
Те, кто петь не могли – бросили.
И любовь не для нас верно ведь?...
Что нужнее сейчас? Ненависть!
Дым и пепел встают как кресты.
Гнезд по крышам не вьют аисты.

И земля, и вода стонами.
Правда, лес, как всегда, с кронами.
Только больше чудес аукает
Довоенными лес звуками.
Побрели все от бед на восток,
Певчих птиц больше нет, аистов.

Воздух звуки хранит разные,
Но теперь в нем гремит, лязгает.
Даже цокот копыт – топотом.
Если кто закричит – шепотом.
Побрели все от бед на восток,
И над крышами нет аистов.

⁹ Написана для кинофильма «Война под крышами».

«Их восемь, нас – двое...»¹⁰

Их восемь, нас – двое. Расклад перед боем
Не наш, но мы будем играть.
Сережа, держись. Нам не светит с тобою,
Но козыри не равнять!

Я этот небесный квартет не покину,
Мне цифры сейчас не важны.
Сегодня мой друг защищает мне спину,
А значит – и шансы равны.

Мне в хвост вышел «Мессер», но вот задымил он,
Надсадно завыли винты.
Им даже не надо крестов на могилы,
Сойдут и на крыльях кресты.

Я – «первый», я – «первый», они под тобою,
Я вышел им наперерез.
Сбей пламя, уйди в облака, я прикрою!..
В бою не бывает чудес.

Сергей, ты горишь, уповай, человеке,
Теперь на надежность лишь строп.
Нет, поздно, и мне вышел «Мессер» навстречу.
Прощай, я приму его в лоб!..

Я знаю, другие сведут с ними счеты...
По-над облаками скользя,
Летят наши души, как два самолета,
Ведь им друг без друга нельзя.

Архангел нам скажет: «В раю будет туго».
Но только воротами – щелк,
Мы бога попросим: «Впишите нас с другом
В какой-нибудь ангельский полк».

И я попрошу бога, духа и сына,
Чтоб выполнил волю мою:
«Пусть вечно мой друг защищает мне спину,
Как в этом последнем бою».

Мы крылья и стрелы попросим у бога,
Ведь нужен им ангел-ас.
А если у них истребителей много,
Пусть едят в хранители нас.

Хранить – это дело почетное тоже,

¹⁰ Из спектакля «Звёзды для лейтенанта».

Удачу нести на крыле
Таким, как при жизни мы были с Сережей
И в воздухе, и на земле.

Смерть истребителя

Я – «Як», Истребитель, Мотор мой звенит.
Небо – моя обитель.
Но тот, который во мне сидит,
Считает, что он – истребитель.

В прошлом бою мною «Юнкерс» сбит,
Я сделал с ним, что хотел.
Но тот, который во мне сидит,
Изрядно мне надоел.

Я в прошлом бою навывлет прошит,
Меня механик заштопал,
Но тот, который во мне сидит,
Опять заставляет: в штопор.

Из бомбардировщика бомба несет
Смерть аэродрому,
А кажется, стабилизатор поет:
«Ми-и-и-р вашему дому!»

Вот сзади заходит ко мне «Мессершмидт».
Уйду – я устал от ран.
Но тот, который во мне сидит,
Я вижу, решил на таран!

Что делает он, ведь сейчас будет взрыв!..
Но мне не гореть на песке,
Запреты и скорости все перекрыв,
Я выхожу на пике.

Я – главный. А сзади, ну чтоб я сгорел!
Где же он, мой ведомый?!
Вот от задымился, кивнул и запел:
«Ми-и-и-р вашему дому!»

И тот, который в моем черепке,
Остался один – и влип.
Меня в заблуждение он ввел и в пике
Прямо из мертвой петли.

Он рвет на себя – и нагрузки вдвойне.
Эх, тоже мне летчик – АС!..
Но снова приходится слушаться мне,
Но это в последний раз.

Я больше не буду покорным, клянусь,
Уж лучше лежать в земле.
Ну что ж он, не слышит, как бесится пульс,
Бензин – моя кровь – на нуле.

Терпенью машины бывает предел,
И время его истекло.
Но тот, который во мне сидел,
Вдруг ткнулся лицом в стекло.

Убит он, я счастлив, лечу налегке,
Последние силы жгу.
Но что это?! Я в глубоком пике
И выйти никак не могу!

Досадно, что сам я немного успел,
Но пусть повезет другому.
Выходит, и я напоследок спел:
«Ми-и-и-р вашему дому!»

«Я полмира почти через злые бои...»

Я полмира почти через злые бои
Прошагал и прополз с батальоном,
И обратно меня за заслуги мои
С санитарным везли эшелоном.

Привезли – вот родимый порог –
На полуторке к самому дому.
Я стоял и немел, а над крышей дымок
Поднимался не так – по-другому.

Окна словно боялись в глаза мне взглянуть.
И хозяйка не рада солдату.
Не припала в слезах на могучую грудь,
А руками всплеснула – и в хату.

И залаяли псы на цепях.
Я шагнул в полутемные сени,
За чужое за что-то запнулся в сенях,
Дверь рванул – подкосились колени.

Там сидел за столом на месте моем
Неприветливый новый хозяин.
И фуфайка на нем, и хозяйка при нем,
Потому я и псами обляян.

Это значит, пока под огнем
Я спешил, ни минуты не весел,
Он все вещи в доме переставил моем
И по-своему все перевесил.

Мы ходили под богом – под богом войны,
Артиллерия нас накрывала.
Но смертельная рана зашла со спины
И изменою в сердце застряла.

Я себя в поясице согнул,
Силу воли позвал на подмогу:
«Извините, товарищ, что завернул
По ошибке к чужому порогу.

Дескать, мир, да любовь вам, да хлеба на стол,
Чтоб согласие по дому ходило».
Ну а он даже ухом в ответ не повел:
Вроде так и положено было.

Зашатался некрашенный пол.
Я не хлопнул дверями, как когда-то.
Только окна раскрылись, когда я ушел,
И взглянули мне вслед виновато...

Песня о земле¹¹

Кто сказал: «Все сгорело дотла,
Больше в землю не бросите семя?»
Кто сказал, что земля умерла?
Нет, она затаилась на время.

Материнства не взять у земли,
Не отнять, как не вычерпать моря.
Кто поверил, что землю сожгли?
Нет, она почернела от горя.

Как разрезы, траншеи легли,
И воронки, как раны, зияют.
Обнаженные нервы земли
Неземные страдания знают.

Она вынесет все, переждет,
Не записывай землю в калеки.
Кто сказал, что земля не поет,
Что она замолчала навеки?!

Нет, звенит она, стоны глуша,
Изо всех своих ран, из отдушин,
Ведь земля – это наша душа,
Сапогами не вытоптать душу.

Кто сказал, что земля умерла?

¹¹ Из кинофильма «Сыновья уходят в бой».

Нет, она затаилась на время...

Сыновья уходят в бой¹²

Сегодня не слышно биенья сердец.
Оно для аллей и беседок.
Я падаю, грудью хватая свинец,
Подумать успев напоследок:

«На этот раз мне не вернуться,
Я уйду – придет другой.
Мы не успели, не успели, не успели оглянуться,
А сыновья, а сыновья уходят в бой».

Вот кто-то решив: «После нас – хоть потоп»,
Как в пропасть шагнул из окопа.
А я для того свой покинул окоп,
Чтоб не было вовсе потопа.

Сейчас глаза мои сомкнутся,
Я крепко обнимусь с землей.
Мы не успели, не успели, не успели оглянуться,
А сыновья, а сыновья уходят в бой.

Кто сменит меня, кто в атаку пойдет,
Кто выйдет к заветному мосту?
И мне захотелось: «Пусть будет вон тот,
Одетый во все не по росту».

Я успеваю улыбнуться,
Я вижу, кто идет за мной.
Мы не успели, не успели, не успели оглянуться,
А сыновья, а сыновья уходят в бой.

Разрывы глушили биенье сердец,
Мое же – мне громко стучало,
Что все же конец мой – еще не конец,
Конец – это чье-то начало.

Сейчас глаза мои сомкнутся,
Я крепко обнимусь с землей.
Мы не успели, не успели, не успели оглянуться,
А сыновья, а сыновья уходят в бой.

Мы вращаем землю

От границы мы землю вертели назад
(Было дело сначала),

¹² Из кинофильма «Сыновья уходят в бой».

Но обратно ее закрутил наш комбат,
Оттолкнувшись ногой от Урала.

Наконец-то нам дали приказ наступать,
Отбирать наши пяди и крохи,
Но мы помним, как солнце отправилось вспять
И едва не зашло на востоке.

Мы не меряем землю шагами,
Понапрасну цветы теребя,
Мы вращаем ее сапогами
От себя, от себя.

И от ветра с востока пригнулись стога,
Жметесь к скалам отара.
Ось земную мы сдвинули без рычага,
Изменив направление удара.

Не пугайтесь, когда не на месте закат.
Сутки день – это сказки для старших,
Просто землю вращают, куда захотят,
Наши сменные роты на марше.

Мы ползем, бугорки обнимая,
Кочки тискаем зло, не любя,
И коленями землю толкаем
От себя, от себя.

Здесь никто не найдет, даже если б хотел,
Руки кверху поднявших.
Всем живым ощутимая польза от тел:
Как прикрытье используем павших.

Этот глупый свинец всех не сразу найдет,
Где настигнет, – в упор или с тыла?
Кто-то там впереди навалился на ДОТ,
И земля на мгновенье застыла.

Я ступни свои сзади оставил,
Мимоходом по мертвым скорбя.
Шар земной я вращаю локтями
На себя, на себя.

Кто-то встал в полный рост и, отвесив поклон,
Принял пулю на вдохе,
Но на запад, на запад ползет батальон,
Чтобы Солнце взошло на востоке.

Животом по грязи... Дышим смрадом болот...
Но глаза закрываем на запах.
Нынче по небу солнце нормально идет,
Потому что мы рвемся на запад.

Руки, ноги на месте ли, нет ли,
Как на свадьбе, росу пригубя,
Землю тянем зубами за стебли
На себя, на себя!

Белый вальс

Какой был бал! Накал движенья, звука, нервов,
Сердца стучали на три счета вместо двух.
К тому же дамы приглашали кавалеров
На белый вальс, традиционный, и захватывало дух.

Ты сам, хотя танцуешь с горем пополам,
Давно решил пригласить ее одну...
Но вечно надо отлучаться по делам,
Спешить на помощь, собираться на войну.

И вот все ближе, все реальней становясь,
Она, к которой подойти намеревался,
Идет сама, чтоб пригласить тебя на вальс,
И кровь в висках твоих стучится в ритме вальса.

Ты внешне спокоен средь шумного бала,
Но тень за тобою тебя выдавала –
Металась, ломалась, дрожала она в зыбком свете свечей.
И, бережно держа, и бешено кружа,
Ты мог бы провести ее по лезвию ножа, –
Не стой же ты руки сложа, сам не свой и ничей.

Был белый вальс, конец сомненьям маловеров
И завершенье юных снов, забав, утех.
Сегодня дамы приглашают кавалеров
Не потому, что мало храбрости у тех.

Возведены на время бала в званья дам,
И кружит головы нам вальс, как в старину.
Но вечно надо отлучаться по делам,
Спешить на помощь, собираться на войну.

Белее снега белый вальс, кружись, кружись,
Чтоб снегопад подольше не прервался.
Она пришла, чтоб пригласить тебя на жизнь,
И ты был бел, белее стен, белее вальса.

Где б ни был бал – в лицее, в доме офицеров,
В дворцовой зале, в школе – как тебе везло!
В России дамы приглашают кавалеров
Во все века на белый вальс, и было все белым-бело.

Потупя взоры, не смотря по сторонам,

Через отчаянье, молчанье, тишину
Спешили женщины прийти на помощь нам.
Их бальный зал – величиной во всю страну.

Куда б ни бросило тебя, где б ни исчез,
Припомни вальс, как был ты бел – и улыбнешься.
Век будут ждать тебя – и с моря и с небес
И пригласят на белый вальс, когда вернёшься.

Ты внешне спокоен средь шумного бала,
Но тень за тобою тебя выдавала –
Металась, ломалась, дрожала она в зыбком свете свечей.
И, бережно держа, и бешено кружа,
Ты мог бы провести ее по лезвию ножа, –
Не стой же ты руки сложа, сам не свой и ничей.

Братские могилы¹³

На братских могилах не ставят крестов,
И вдовы на них не рыдают.
К ним кто-то приносит букеты цветов
И вечный огонь зажигает.

Здесь раньше вставала земля на дыбы,
А нынче гранитные плиты.
Здесь нет ни одной персональной судьбы
Все судьбы в единую слиты.

А в вечном огне видишь вспыхнувший танк,
Горящие русские хаты,
Горящий Смоленск и горящий Рейхстаг,
Горящее сердце солдата.

У братских могил нет заплаканных вдов
Сюда ходят люди покрепче.
На братских могилах не ставят крестов,
Но разве от этого легче?..

«Так случилось – мужчины ушли...»¹⁴

Так случилось – мужчины ушли,
Побросали посевы до срока.
Вот их больше не видно из окон,
Растворились в дорожной пыли.
Вытекают из колоса зерна
Это слезы несжатых полей.

¹³ Из кинофильма «Я родом из детства».

¹⁴ Из кинофильма «Точка отсчета»

И холодные ветры проворно
Потекли из щелей.

Мы вас ждем, торопите коней.
В добрый час, в добрый час, в добрый час!
Пусть попутные ветры не бьют, а ласкают вам спины.
А потом возвращайтесь скорей,
Ивы плачут по вас,
У без ваших улыбок бледнеют и сохнут рябины.

Мы в высоких живем теремах.
Входа нет никому в эти зданья:
Одиночество и ожиданье
Вместо вас поселились в домах.
Потеряла и свежесть и прелесть
Белизна ненадетых рубах.
Даже старые песни приелись и навязли в зубах¹⁵.

Все единою болью болит,
И звучит с каждым днем непрестанней
Вековечный надрыв причитаний
Отголоском старинных молитв.
Мы вас встретим и пеших, и конных,
Утомленных, нецелых – любых.
Только б не пустота похоронных, не предчувствия их.

Мы вас ждем, торопите коней.
В добрый час, в добрый час, в добрый час!
Пусть попутные ветры не бьют, а ласкают вам спины.
А потом возвращайтесь скорей,
Ивы плачут по вас,
У без ваших улыбок бледнеют и сохнут рябины.

Песня о конце войны

Сбивают из досок столы во дворе,
Пока не накрыли – стучат в домино.
Дни в мае длиннее ночей в декабре,
Но тянется время – и все решено.

Вот уже довоенные лампы горят вполнакала
И из окон на пленных глазела Москва свысока...
А где-то солдат еще в сердце осколком толкало,
А где-то разведчикам надо добыть «языка».

Вот уже обновляют знамена. И ставят в колонны.
И бульжник на площади чист, как паркет на полу.
А все же на запад идут и идут эшелоны,

¹⁵ «...И навязли в зубах» — после этой строчки в авторском исполнении под музыку исполняется рефрен «Мы вас ждем, торопите коней».

И над похоронкой заходятся бабы в тылу.

Не выпито всласть родниковой воды,
Не куплено впрок обручальных колец.
Все смыло потоком народной беды,
Которой приходит конец наконец.

Вот со стекол содрали кресты из полосок бумаги.
Вот и шторы – долой! Затемнение уже ни к чему.
А где-нибудь спирт раздают перед боем из фляги,
Он все выгоняет – и холод, и страх, и чуму.

Вот от копоти свечек уже очищают иконы.
И душа и уста – и молитву творят, и стихи.
Но с красным крестом все идут и идут эшелоны,
Хотя и потери по сводкам не так велики.

Уже зацветают повсюду сады.
И землю прогрело, и воду во рвах.
И скоро награда за ратны труды –
Подушка из свежей травы в головах.

Уже не маячат над городом аэростаты.
Замолкли сирены, готовясь победу трубить.
А ротные все-таки выйти успеют в комбаты,
Которых пока еще запросто могут убить.

Вот уже зазвучали трофейные аккордеоны,
Вот и клятвы слышны жить в согласье, любви, без долгов.
А все же на запад идут и идут эшелоны,
А нам показалось, совсем не осталось врагов.

ЗНАКИ ЗОДИАКА

К вершине¹⁶

Ты идешь по кромке ледника,
Взгляд не отрывая от вершины.
Горы спят, вдыхая облака,
Выдыхая снежные лавины.

Но они с тебя не сводят глаз,
Будто бы тебе покой обещан,
Предостерегая всякий раз
Камнепадом и оскалом трещин.

Горы знают, к ним пришла беда,

¹⁶ На одном из своих концертов В. С. Высоцкий объявил что эту песню он посвящает памяти погибшего альпиниста М. Хергиани.

Дымом затянуло перевалы.
Ты не отличал еще тогда
От разрывов горные обвалы.

Если ты о помощи просил,
Громким эхом отзывались скалы.
Ветер по ущельям разносил
Эхо гор, как радиосигналы.

И когда шел бой за перевал,
Чтобы не был ты врагом замечен,
Каждый камень грудью прикрывал,
Скалы сами подставляли плечи.

Ложь, что умный в горы не пойдет,
Ты пошел, ты не поверил слухам.
И мягчал гранит, и таял лед,
И туман у ног стелился пухом.

Если в вечный снег навеки ты
Ляжешь – над тобою, как над близким,
Наклонятся горные хребты
Самым прочным в мире обелиском.

«Ну, вот исчезла дрожь в руках...»

Ну, вот исчезла дрожь в руках,
Теперь – наверх!
Ну, вот сорвался в пропасть страх
Навек, навек.

Для остановки нет причин,
Иду, скользя.
И в мире нет таких вершин,
Что взять нельзя.

Среди нехоженных путей
Один – пусть мой.
Среди невзятых рубежей
Один – за мной.

А имена тех, кто здесь лег,
Снега таят.
Среди нехоженных дорог
Одна моя.

Здесь голубым сияньем льдов
Весь склон облит.
И тайну чьих-нибудь следов
Гранит хранит.

И я гляжу в свою мечту
Поверх голов,
И свято верю в чистоту
Снегов и слов.

И пусть пройдет немалый срок,
Мне не забыть,
Как здесь сомнения я смог
В себе убить.

В тот день шептала мне вода:
– Удач всегда!
А день, какой был день тогда?
Ах, да – среда!..

Песня о друге¹⁷

Если друг оказался вдруг
И не друг и не враг, а так.
Если сразу не разберешь,
Плох он или хорош.
Парня в горы тяни – рискни,
Не бросай одного его.
Пусть он в связке одной с тобой.
Там поймешь, кто такой.

Если парень в горах не ах,
Если сразу раскис и вниз,
Шаг ступил на ледник и сник,
Оступился – и в крик.
Значит, рядом с тобой чужой.
Ты его не брани – гони.
Вверх таких не берут, и тут
Про таких не поют.

Если ж он не скулил, не ныл,
Если хмур был и зол, но шел,
А когда ты упал со скал,
Он стонал, но держал,
Если шел он с тобой, как в бой,
На вершине стоял, хмельной,
Значит, как на себя самого,
Положись на него.

Вершина¹⁸

¹⁷ Из кинофильма «Вертикаль».

¹⁸ Из кинофильма «Вертикаль».

Здесь вам не равнина,
Здесь климат иной
Идут лавины ода за одной,
И здесь
За камнепадом ревет камнепад.
И можно свернуть,
Обрыв обогнуть,
Но мы выбираем трудный путь,
Опасный,
Как военная тропа.

Кто здесь не бывал,
Кто не рисковал,
Тот сам себя
Не испытал
Пусть даже внизу он звезды хватал
С небес.
Внизу не встретишь, как ни тянись,
За всю свою счастливую жизнь,
Десятые доли
Таких красот и чудес.

Нет алых роз
И траурных лент,
И не похож
На монумент
Тот камень,
Что покой тебе подарил.
Как вечным огнем сверкает днем
Вершина
Изумрудным льдом,
Которую ты так и не покорил.

И пусть говорят, да пусть говорят,
Но – нет,
Никто не гибнет зря...
Так лучше,
Чем от водки иль от простуд!
Другие придут,
Сменив уют
На риск
И непомерный труд,
Пройдут тобой не пройденный
Маршрут.

Отвесные стены...
А ну не зевай!
Ты здесь на везение не уповай,
В горах не надежны ни камень, ни лед, ни скала.
Надеешься только
На крепость рук,
На руки друга и вбитый крюк

И молишься, чтобы страховка
Не подвела.

Мы рубим ступени.
Ни шагу назад!
И от напряженья
Колени дрожат.
И сердце готово к вершине бежать из груди.
Весь мир на ладони!
Ты счастлив и нем.
И только немного завидуешь тем,
Другим,
У которых вершина еще впереди.

Прощание с горами¹⁹

В суету городов и в потоки машин
Возвращаемся мы – просто некуда деться.
И спускаемся вниз с покоренных вершин,
Оставляя в горах, оставляя в горах свое сердце.

Так оставьте ненужные споры.
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал.

Кто захочет в беде оставаться один?
Кто захочет уйти, зову сердца не внемля?
Но спускаемся мы с покоренных вершин...
Что же делать, и боги спустились на землю.

Так оставьте ненужные споры.
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал.

Сколько слов и надежд, сколько песен и тем
Горы будят у нас и зовут нас остаться.
Но спускаемся мы, кто на год, кто совсем,
Потому что всегда мы должны возвращаться.

Так оставьте ненужные споры.
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал.
На которых никто не бывал.

Благословен великий океан²⁰

¹⁹ Из кинофильма «Вертикаль».

Заказана погода нам удачею самой,
Довольно футов нам под киль обещано,
И небо поделилось с океаном синевой,
Две синевы у горизонта скрещено.

Не правда ли, морской, хмельной, невиданный простор
Сродни горам в безумстве, буйстве, кротости.
Седые гривы волн чисты, как снег на пиках гор,
И впадины меж ними – словно пропасти.

Служение стихиям не терпит суеты.
К двум полюсам ведет меридиан.
Благословенны вечные хребты.
Благословен великий океан.

Нам сам великий случай – брат, везение – сестра.
Хотя на всякий случай мы встревожены.
На суше пожелали нам «Ни пуха на пера»,
Созвездья к нам прекрасно расположены.

Мы все – впередсмотрящие, все начали с азов,
И, если у кого-то невезение,
Меняем курс, идем на «SOS», как там в горах – на зов,
На помощь, прерывая восхождение.

Служение стихиям не терпит суеты.
К двум полюсам ведет меридиан.
Благословенны вечные хребты.
Благословен великий океан.

Потери подсчитаем мы, когда пройдет гроза,
Не сединой, а солью убелённые,
Скупая океанская огромная слеза
Умоет наши лица просветлённые.

Взята вершина, клотики²¹ вонзились в небеса.
С небес на землю – только на мгновение.
Едва закончив рейс, мы поднимаем паруса
И снова начинаем восхождение.

Служение стихиям не терпит суеты.
К двум полюсам ведет меридиан.
Благословенны вечные хребты.
Благословен великий океан!

«Мы говорим не „штормы“, а „шторма“...»²²

²⁰ Из кинофильма «Ветер надежды».

²¹ Клотик — верхняя часть мачты.

Мы говорим не «штормы», а «шторма».
Слова выходят коротки и смачны.
«Ветра» – не «ветры» – сводят нас с ума,
Из палуб выкорчевывая мачты.

Мы на приметы наложили вето,
Мы чтим чутье компасов и носов.
Упругие, тугие мышцы ветра
Натягивают кожу парусов.

На чаше звездных, подлинных весов
Седой Нептун судьбу решает нашу,
И стая псов, голодных гончих псов,
Надсадно воя, гонит нас на чашу.

Мы – призрак легендарного корвета,
Качаемся в созвездии Весов.
И словно заострились струи ветра
И вспарывают кожу парусов.

По курсу – тень другого корабля.
Он шел и в штормы, хода не снижая.
Глядите: вон болтается петля
На рее, по повешенным скучая.

С ним провиденье поступило круто:
Лишь вечный штиль – и прерван ход часов.
Попутный ветер словно бес попутал
Он больше не находит парусов.

Нам кажется, мы слышим чей-то зов,
Таинственные четкие сигналы...
Не жажда славы, гонок и призов
Бросает нас на гребни и на скалы.

Изведать то, чего не ведал сроду.
Глазами, ртом и кожей пить простор...
Кто в океане видит только воду,
Тот на земле не замечает гор.

Пой, ураган, нам злые песни в уши,
Под череп проникай и в мысли лезь,
Лей звездный дождь, вселяя в наши души
Землей и морем вечную болезнь.

«На судне бунт. Над нами чайки реют...»

На судне бунт. Над нами чайки реют,

²² Из кинофильма «Ветер надежды».

Вчера из-за дублонов золотых
Двух негодяев вздернули на рею,
Но мало – нужно было четверых.

Ловите ж ветер всеми парусами!
К чему гадать? Любой корабль – враг.
Удача – миф. Но эту веру сами
Мы создали, поднявши черный флаг²³.

Катился ком по кораблю от бака,
Забыто все – и честь и кутежи.
И, подвывая, может быть, от страха,
Они достали длинные ножи.

Вот двое в капитана пальцем тычут
– Достать его! – и им не страшен черт.
Но капитан вчерашнюю добычу
При всей команде выбросил за борт.

И вот волна, подобная надгробью,
Все смыла, с горла сброшена рука...
Бросайте ж за борт все, что пахнет кровью,
И верьте, что цена не высока.

«Упрямо я стремлюсь ко дну...»

Упрямо я стремлюсь ко дну,
Дыханье рвется, давит уши.
Зачем иду на глубину?
Чем плохо было мне на суше?

Там на земле – и стол и дом.
Там – я и пел и надрывался...
И плавал все же, хоть с трудом,
Но на поверхности держался.

Земные страсти под луной
В обыденной линияют жиже,
А я врываю в мир иной,
Тем невозвратнее, чем ниже.

Дышу я непривычно ртом.
Среда бурлит – плевать на среду!
Я погружаюсь, и притом
Быстрее – в пику Архимеду.

Я потерял ориентир,
Но вспомнил сказки, сны и мифы...
Я открываю новый мир,

²³ Рефрен «Ловите ж ветер...» повторяется после каждой строфы.

Пройдя коралловые рифы.

Коралловые города...
В них многорыбно, но не шумно.
Нема подводная среда,
И многоцветна, и разумна.

Где та чудовищная мгла,
Которой матери страшат?
Светло, хотя ни факела,
Ни солнце мглу не освещают.

Все гениальное и не
Допонятое – всплеск и шалость.
Спаслось и скрылось в глубине
Все, что гналось и запрещалось.

Дай бог, я все же дотяну,
Не дам им долго залежаться.
И я вгребаясь в глубину,
Мне все труднее погружаться.

Под черепом – могильный звон,
Давленье мне хребет ломает,
Вода выталкивает вон,
И – глубина не принимает.

Я снял с острогой карабин,
Но камень взял (не обессудьте),
Чтобы добраться до глубин,
До тех пластов – до самой сути.

Я бросил нож – не нужен он.
Там нет врагов, там все мы – люди.
Там каждый, кто вооружен,
Нелеп и глуп, как вошь на блюде.

Сравнюсь с тобой, подводный гриб.
Забудем и чины и ранги.
Мы снова превратились в рыб,
И наши жабры – акваланги.

Нептун – ныряльщик с бородой,
Ответь и облегчи мне душу:
– Зачем простились мы с тобой,
Предпочитая влаге сушу?

Меня сомненья – черт возьми!
Давно буравами сверлили:
Зачем мы сделали людьми?
Зачем потом заговорили?

Зачем, живя на четырех,
Мы встали, распрямили спины?
Затем – и это видит бог –
Чтоб взять камень и дубины.

Мы умудрились много знать,
Повсюду мест наделать лобных,
И предавать, и распинать,
И брать на крюк себе подобных.

И я намеренно тону,
Ору: – Спасите наши души!
И если я не дотяну,
Друзья мои, бегите с суши!

Назад, не к горю, не к беде,
Назад и вглубь, но не ко гробу,
Назад – к прибежищу, к воде!
Назад – в извечную утробу!

Похлопал по плечу трепанг,
Признав во мне свою породу.
И я выплевываю шланг
И в легкие пускаю воду!..

Сомкните стройные ряды,
Покрепче закупорьте уши.
Ушел один – в том нет беды.
Но я приду по ваши души!

«Неправда, над нами не бездна, не мрак...»

Неправда, над нами не бездна, не мрак –
Каталог наград и возмездий.
Любуемся мы на ночной зодиак,
На вечное танго созвездий.

Глядим, запрокинули головы вверх,
В безмолвие, тайну и вечность.
Там трассы судеб и мгновенный наш век
Отмечены в виде невидимых вех,
Что могут хранить и беречь нас.

Горячий нектар в холода февралей,
Как сладкий елей вместо грога:
Льет звездную воду чудак Водолей
В бездонную пасть Козерога.

Вселенский поток и извилист и крут,
Окрашен то ртутью, то кровью.
Но, вырвавшись с мартовской мглой из пут,

Могучие Рыбы на нерест плывут
По млечным протокам к верховью.

Декабрьский Стрелец отстрелялся вконец,
Он мается, копья ломая.
И может без страха развиться Телец
На светлых урочищах мая.

Из августа изголодавшийся Лев
Глядит на Овена в апреле.
В июнь к Близнецам свои руки воздев,
Нежнейшие девы созвездия Дев
Весы превратили в качели.

Лучи световые пробились сквозь мрак,
Как нить Ариадны, конкретны,
Но и Скорпион, и таинственный Рак
От нас далеки и безвредны.

На свой зодиак человек не роптал,
Да звездам страшна ли опала?!
Он эти созвездия с неба достал,
Оправил он их в драгоценный металл,
И тайна доступною стала.

КЛИЧ ГЛАШАТАЕВ

Песня Додо из дискоспектакля «Алиса в стране чудес»

Много неясного в странной стране,
Можно запутаться и заблудиться.
Даже мурашки ползут по спине,
Если представить, что может случиться.
Вдруг будет пропасть и нужен прыжок.
Струсишь ли сразу? Прыгнешь ли смело?
А? э... так-то, дружок,
В этом-то все и дело.

Добро и зло в стране чудес – как и везде встречаются,
Но только здесь они живут на разных берегах.
Здесь по дорогам всякие истории скитаются,
И бегают фантазии на тоненьких ногах.

Этот рассказ мы с загадки начнем,
Даже Алиса ответит едва ли,
Что остается от сказки потом,
После того, как ее рассказали?
Где затерялся волшебный рожок,
Добрая фея куда улетела?
А? э... так-то, дружок,

В этом-то все и дело.

Они не испаряются, они не растворяются,
Рассказанные в сказке, промелькнувшие во сне.
В страну чудес волшебную они переселяются,
Мы их, конечно, встретим в этой сказочной стране.

Ну и последнее, хочется мне,
Чтобы всегда вы меня узнавали,
Буду я птицей в волшебной стране,
Птицей Додо меня дети прозвали.
Даже Алисе моей невдомек,
Как упакуюсь я в птичье тело.
А? э... так-то, дружок,
В этом-то все и дело.

И не такие странности в стране чудес случаются,
В ней нет границ, не нужно плыть, бежать или лететь.
Попасть туда несложно, никому не запрещается,
В ней можно оказаться, стоит только захотеть.

Не обрывается сказка концом.
Помнишь, тебя мы спросили вначале:
Что остается от сказки потом,
После того, как ее рассказали?
Может, не все, даже съев пирожок,
Наша Алиса во сне разглядела.
А? э... так-то, дружок,
В этом-то все и дело.

И если снова кто-нибудь проникнуть попытается
В страну чудес волшебную в красивом добром сне,
Он даже то, что кажется, что только представляется,
Найдет в своей загадочной и сказочной стране.

1-я песенка Алисы²⁴

Я страшно скучаю, я просто без сил,
И мысли приходят, меня беспокоя,
Чтоб кто-то куда-то меня пригласил,
И там я увидела что-то такое...

Но что именно, право, не знаю.
Все советуют наперебой:
«Почитай», – я сажусь и читаю,
«Поиграй», – и я с кошкой играю.
Все равно я ужасно скучаю,
Сэр, возьмите Алису с собой!

²⁴ Из дискоспектакля «Алиса в стране чудес».

Мне так бы хотелось, хотелось бы мне
Когда-нибудь, как-нибудь выйти из дому
И вдруг оказаться вверху, в глубине,
Внутри и снаружи, где все по-другому.

Но что именно, право, не знаю.
Все советуют наперебой:
«Почитай», – я сажусь и читаю,
«Поиграй», – и я с кошкой играю.
Все равно я ужасно скучаю,
Сэр, возьмите Алису с собой.

Пусть дома поднимется переполох,
И пусть наказание грозит – я согласна.
Глаза закрываю, считаю до трех...
Что будет, что будет! Волнуюсь ужасно.

Но что именно, право, не знаю.
Все советуют наперебой:
«Почитай», – я сажусь и читаю,
«Поиграй», – и я с кошкой играю.
Все равно я ужасно скучаю,
Сэр, возьмите Алису с собой!

2-я песенка Алисы²⁵

Догонит ли в воздухе, или шалишь,
Летучая кошка летучую мышь?
Собака летучая кошку летучую?
Зачем я себя этой глупостью мучаю?

А раньше я думала, стоя над кручею:
«Ах, как бы мне сделаться тучей летучею».
Ну вот я и стала летучею тучею,
И вот я решаю по этому случаю:

Догонит ли в воздухе, или шалишь,
Летучая кошка летучую мышь?
Собака летучая кошку летучую?
Зачем я себя этой глупостью мучаю?

3-я песенка Алисы²⁶

Слезливое море вокруг разлилось,
И вот принимаю я слезную ванну.
Должно быть, по морю из собственных слез

²⁵ Из дискоспектакля «Алиса в стране чудес».

²⁶ Из дискоспектакля «Алиса в стране чудес».

Плыву к Слезовитому я океану.

Растеряешься здесь поневоле!
Со стихией один на один.
Может, зря проходили мы в школе,
Что моря из поваренной соли.
Хоть бы льдина попалась мне, что ли,
Или встретился добрый дельфин!

Мышиная песенка²⁷

Спасите! Спасите! О, ужас, о, ужас!
Я больше не вынырну, если нырну.
Немного поплаваю, чуть поднатужусь,
Но силы покинут, и я утону.

Вы мне по секрету ответить смогли бы,
Я – рыбная мышь или мышная рыба?
Я тихо лежала в уютной норе,
Читала, мечтала и ела пюре.

И вдруг это море около,
Как будто кот заплакал.
Я в нем, как мышь, промокла,
Продрогла, как собака.

Спасите! Спасите! Хочу я, как прежде,
В нору на диван из сухих камышей.
Здесь плавают девочки в верхней одежде,
Которые очень не любят мышей.

И так от лодыжек дрожу до ладошек,
А мне говорят про терьеров и кошек.
А вдруг кошкелот на меня нападет,
Решив по ошибке, что я мышелот.

Ну вот – я зубами зацокала
От холода и от страха.
Я здесь, как мышь, промокла,
Продрогла, как собака.

Песенка ящерицы Джимми и лягушонка Билли²⁸

У Джимми и Билли всего в изобилье,
Давай не зевай, сортируй, собирай!
И Джимми и Билли давно позабыли,

²⁷ Из дискоспектакля «Алиса в стране чудес».

²⁸ Из дискоспектакля «Алиса в стране чудес».

Когда собирали такой урожай.

И Джимми и Билли, конечно, решили
Закапывать яблоки в поте лица.
Расстроенный Билли сказал:
«Или-или. Копай, чтоб закончилась путаница».

И Джимми и Билли друг друга побили.
Ура! Караул! Откопай! Закопай!
Ан, глянь – парники все вокруг подавили.
Хозяин, где яблоки? Ну – отвечай!

У Джимми и Билли всего в изобилье,
Давай не зевай, сортируй, собирай!
И Джимми и Билли давно позабыли,
Когда собирали такой урожай.

Песня попугая²⁹

Послушайте все, ого-го, эге-гей!
Меня, попугая – пирата морей.

Родился я в тыща – каком-то году
В банано-лиановой чаще.
Мой папа был папа-пугай Какаду,
Тогда еще не говорящий.

Но вскоре покинул я девственный лес,
Взял в плен меня страшный Фернандо Кортес.
Он начал на бедного папу кричать,
А папа Фернанде не мог отвечать.

И чтоб отомстить – от зари до зари
Твердил я три слова, всего только три.
Упрямо себя заставлял – повтори:
«Карамба!», «Коррида!!» и «Черт побери!!!»

Послушайте все, ого-го, эге-гей!
Меня, попугая – пирата морей.

Нас шторм на обратной дороге застиг,
Мне было особенно трудно.
Английский фрегат под названием «Бриг»
Взял на abordаж наше судно.

Был бой рукопашный три ночи, два дня,
И злые пираты пленили меня.
Так начал я плавать на разных судах,
В районе экватора, в северных льдах.

²⁹ Из дискоспектакля «Алиса в стране чудес».

На разных пиратских судах.

Давали мне кофе, какао, еду,
Чтоб я их приветствовал: «Х-ау ду ю ду!»³⁰
Но я повторял от зари до зари:
«Карамба!», «Коррида!!» и «Черт побери!!!»

Послушайте все, ого-го, эге-гей!
Меня, попугая – пирата морей.

Лет сто я проплавал пиратом, и что ж?
Какой-то матросик пропащий
Продал меня в рабство за ломаный грош,
А я уже был говорящий.

Турецкий паша нож сломал пополам,
Когда я сказал ему: «Паша, салам!»
И просто кондрашкахватила пашу,
Когда он узнал, что еще я пишу,
Читаю, пою и пляшу.

Я Индию видел, Иран и Ирак.
Я – индивидум. Не попка-дурак.
Так думают только одни дикари.
Карамба! Коррида!! и Черт побери!!!

Про нечистую силу

– Я баба-Яга, вот и вся недолга.
Я езжу в намазаной ступе.
Я к русскому духу не очень строга.
Люблю его сваренным в супе.

Ох, надоело по лесу летать,
Я зелье переварила.
Ой, что-то стала совсем изменять
Наша нечистая сила...

– Привет, добрый день! Я – оборотень,
Неловко вчера обернулся:
Хотел превратиться в дырявый плетень,
Да вот посередке запнулся.

Кто я теперь, самому не понять,
Эк меня, братцы, скривило.
Нет, что-то стала нам всем изменять
Наша нечистая сила...

– Я старый больной озорной водяной,

³⁰ Хау ду ю ду (англ.) — как дела?

Но мне надоела квартира,
Лежу под корягой, простуженный, злой,
А в омуте мокро и сыро.

Вижу намедни – утопленник. Хвать!
А он меня пяткой по рылу.
Ой, перестали совсем уважать
Нашу нечистую силу...

– Такие дела: лешачиха со зла,
Лишив меня лешевелюры,
Вчера из дупла на мороз прогнала,
У ней с водяным шуры-муры.

Со свету стали совсем изживать,
Просто-ки сводят в могилу.
Ой, перестали совсем ублажать
Нашу нечистую силу.

Ярмарка (песня скоморохов)³¹

Эй, народ честной, незадачливый!
Эй вы, купчики да служивый люд,
К чудо-городу поворачивай,
Зря ли в колокол с колоколен бьют!

Все ряды уже с утра
Позахвачены.
Уйма всякого добра,
Всякой всячины.
Там точильные круги
Точат лясы,
Там лихие сапоги
Самоплясы.

Тадарга-матадарга,
Во столице ярмарка,
Сказочно-реальная,
Свето-музыкальная.

Богачи и голь перекатная,
Покупатели все, однако, вы.
И хоть ярмарка не бесплатная,
В этот день вы все одинаковы.

За едою в закрома
Спозараночка,
Скатерть бегаёт сама
Самобраночка.

³¹ Написана для фильма «Иван да Марья».

Кто не схочет есть и пить,
Тем – изнанка,
Их начнет сама бранить
Самобранка.

Тадарга-матадарга,
Вот какая ярмарка:
Праздничная, вольная,
Бело-хлебосольная.

Вот и шапочки-невидимочки.
Кто наденет их – станет барином.
Леденцы во рту, словно льдиночки,
И жар-птица есть в виде жареном.

Прилетали год назад
Гуси-лебеди.
А теперь они лежат
На столе, гляди.
Эй, слезайте с облачка,
Добры люди,
Да из белого бычка
Ешьте студень.

Тадарга-матадарга,
Всем богата ярмарка,
Вон орехи рядышком
С изумрудным ядрышком.

Скоморохи – те все хорошие,
Скачут-прыгают через палочку.
Прибауточки скоморошие,
С ихних шуточек все вповалочку.

По традиции, как встарь,
Вплавь и волоком,
Привезли царь-самовар,
Как царь-колокол.
Сковарный самовар,
Он на торфе
Вам на выбор сварит вар
Или кофе.

Тадарга-матадарга,
Удалая ярмарка,
С плясунами резвыми,
Большей частью трезвыми.

Вот балда пришел, поработать чтоб.
Безработный он, киснет, квасится.
Тут как тут и поп – толоконный лоб,
Но балда ему – кукиш с маслицем.

Разновесые весы –
Проторгуешься.
В скороходики-часы
Не обуешься.
Скороходы-сапоги
Не залапьте!
А для стужи да пурги
Лучше лапти.

Тадарга-матадарга,
Что за чудо ярмарка,
Звонкая, несонная,
Нетрадиционная.

Вон Емелюшка щуку мнет в руке,
Щуке быть ухой, вкусным варевом.
Черномор кота продает в мешке,
Слишком много кот разговаривал.

Говорил он без сучка
Да без задорины:
«Все мы сказками слегка
Объегорены».
Не скупись, честной народ,
За ценую.
Продается с цепью кот,
С золотою.

Тадарга-матадарга,
Упоенье-ярмарка.
Общая, повальная,
Эмоциональная.

Будем смехом-то рвать животики,
Кто отважится да разохотится
Да на коврикe-самолетике
Не откажется, да прокотится.

Разрешите сделать вам
Примечание: Никаких воздушных ям
И качания.
Ковролетчики вчера
Ночь не спали,
Пыль из этого ковра
Выбивали.

Тадарга-матадарга,
Удалася ярмарка.
Тадарга-матадарга,
Хорошо бы надолго.

Здесь река течет вся молочная,
Берега над ней сплошь кисельные,
Мы вобьем во дно сваи прочные,
Запрудим ее – дело дельное.

Запрудили мы реку,
Это плохо ли?
На киселевом берегу
Пляж отгрохали.
Но купаться нам пока
Нету смысла,
Потому у нас река
Вся прокисла.

Тадарга-матадарга,
Не в обиде ярмарка.
Хоть залейся нашею
Кислой простоквашею.

Мы беду-напасть подожжем огнем,
Распрявим хребты втрое сложенным,
Меда хмельного до краев нальем
Всем скучающим и скукоженным.

Много тыщ имеет кто
Тратьте тыщи те.
Даже то, не знаю что,
Здесь отыщете.
Коль на ярмарку пришли,
Так гуляйте,
Неразменные рубли
Разменяйте.

Татарга-матадарга,
Вот какая ярмарка!
Подходи, подваливай,
Сахари, присаливай.

Песни Марии

Плач

Отчего не бросилась, Марьюшка, в реку ты,
Отчего ж не замолкла навсегда ты?
Как забрали милого в рекруты, в рекруты.
Как ушел твой суженый во солдаты.

Я слезами горькими горницу вымою
И на годы долгие дверь закрою.
Наклонюсь над озером ивою, ивою,

Высмотрю, как в зеркале, – что с тобою.

Травушка-муравушка сочная, мятная
Без тебя ломается, ветры дуют.
Долюшка солдатская ратная, ратная,
Что, как пули грудь твою не минуют?

Тропочку глубокую протопчу по полю,
И веночек свой свадебный впрок совью,
Дивну косу девичью – до полу, до полу
Сберегу для милого с проседью.

Вот возьмут кольцо мое с белого блюдища,
Хоровод завертится, – грустно в нем.
Пусть мое гаданье сбудется, сбудется,
Пусть вернется суженый вешним днем.

Пой как прежде весело, идучи к дому, ты,
Тихим словом ласковым утешай.
А житье невестино – омуты, омуты...
Поджидает Марьюшка, поспедай.

Ожидание

Не сдержать меня уговорами.
Верю свято я не в него ли?
Пусть над ним кружат черны вороны,
Но он дорог мне и в неволе.

Верим веку испокон,
Да прослышала сама я,
Как в году невесть каком
Стали вдруг одним цветком
Два цветка, Иван да Марья.

Беда

Я несла свою беду
По весеннему по льду.
Надломился лед, душа оборвалася.
Камнем под воду пошла,
А беда – хоть тяжела,
А за острые края задержалася.

И беда с того вот дня
Ищет по свету меня,
Слухи ходят вместе с ней, с кривотолками.
А что я не умерла,
Знала голая земля
Да еще перепела с перепелками.

Кто из них сказал ему,
Господину моему,
Только выдали меня, проболталися.
И, от страсти сам не свой,
Он отправился за мной,
А за ним беда с молвой привязалися.

Он настиг меня, догнал,
Обнял, на руки поднял.
Рядом с ним в седле беда ухмылялася.
Но остаться он не мог,
Был всего один денек,
А беда на вечный срок задержалася.

Клич глашатаев³²

Если кровь у кого горяча,
Саблей бей, пикой лихо коли.
Царь дарует вам шубу с плеча
Из естественной выхухоли.
Сей указ без обману-коварства,
За печатью по форме точь-в-точь:
В бой за восемь шестнадцатых царства
И за целую царскую дочь.
Да, за целую царскую дочь!

Частушки³³

Подходи, народ, смелее,
Слушай, переспрашивай.
Мы споем про Евстигнея,
Государя нашего.

Вы себе представьте сцену,
Как папаша Евстигней
Дочь-царевну Аграфену
Хочет сплавить поскорей.

Но не получается,
Царевна не сплавляется.

Как-то ехал царь из леса,
Весело, спокойненько,
Вдруг услышал свист балбеса

³² Стихи написаны для фильма «Иван да Марья».

³³ Стихи написаны для фильма «Иван да Марья».

Соловья-разбойника.

С той поры царя корежит,
Словно кость застряла в нем.
Пальцы в рот себе заложит,
Хочет свистнуть соловьем.

Надо с этим бой начать,
А то начнет разбойничать.

Серенада соловья-Разбойника³⁴

Выходи, я тебе посвищу серенаду,
Кто тебе серенаду еще посвистит?
Сутки кряду могу, до упаду,
Если муза меня посетит.

Я пока еще только шутю и шалю,
Я пока на себя не похож,
Я обиду стерплю, но когда я вспылю,
Я дворец подпалю, подпилю, развалю,
Если ты на балкон не придешь.

Ты отвечай мне прямо, откровенно,
Разбойничую душу не трави.
О, выйди, выйди, выйди, Аграфена,
Послушай серенаду о любви.

Ей-ей-ей, трали-вали
Кабы красна девица жила в полуподвале,
Я б тогда на корточки
Приседал у форточки,
Мы бы до утра проворковали.

В лесных кладовых моих уйма товара,
Два уютных дупла, три пенечка гнилых,
Чем же я тебе, Груня, не пара,
Чем я, Феня, тебе не жених?

Так тебя я люблю,
Что ночами на сплю,
Сохну с горя у всех на виду.
Вот и голос сорвал, и хриплю, и сиплю.
Ох, я дров нарублю, я себя погублю,
Но тебя украду, увезу.

Я женихов твоих – через колено,
Я папе твоему попорчу кровь.
О, выйди, выйди, выйди, Аграфена,

³⁴ Стихи написаны для фильма «Иван да Марья».

О, не губи разбойничью любовь.

Ей-ей-ей, трали-вали
Кабы красна девица жила в полуподвале,
Я б тогда на корточки
Приседал у форточки,
Мы бы до утра проворковали.

Свадебная³⁵

Ты, звонарь-Пономарь, не кемарь!
Звонкий колокол раскочегаривай.
Ты очнись, встрепенись, гармонист,
Переливами щедро одаривай.

Мы беду навек спровадили,
В грудь ей вбили кол осиновый.
Перебор сегодня свадебный,
Звон над городом малиновый.

Эй, гармошечка, дразни, дразни,
Не спеши, подманивай.
Главный колокол, звони, звони,
Маленький подзванивай.

«В заповедных и дремучих...»

В заповедных и дремучих
Страшных Муромских лесах
Всяка нечисть бродит тучей,
На проезжих сеет страх:
Воют воем, что твои упокойники...
Если есть там соловьи то разбойники.
Страшно, аж жуть!

В заколдованных болотах
Там кикиморы живут.
Защекочут до икоты
И на дно уволокут.
Будь ты конный, будь ты пеший – заграбастают,
А уж по лесу – так лешие и шастают.
Страшно, аж жуть!

И мужик – купец иль воин –
Попадали в темный лес.
Кто за чем: кто с перепоею,
А кто сдуру в чащу лез.
По причине попадали, без причины ли,

³⁵ Стихи написаны для фильма «Иван да Марья».

Только всех их и видали, словно сгнули.
Страшно, аж жуть!

Из заморского из лесу,
Где и вовсе сущий ад,
Где такие злые бесы,
Что друг друга не едят,
Чтоб творить им совместное зло потом,
Поделится приехали опытом.
Страшно, аж жуть!

Соловей-разбойник главный
Им устроил буйный пир,
А от них был змей трехглавый
И слуга его – вампир.
Пили зелье в черепах, ели бульники,
Танцевали на гробах, богохульники.
Страшно, аж жуть!

Змей-Горыныч взмыл на древо,
Ну – раскачивать его:
«Выводи, разбойник, девок,
Пусть покажут кой-чего,
Пусть нам лешие попляшут, попоют,
А не то я, мать вашу, всех сгною!»
Страшно, аж жуть!

Соловей-разбойник тоже
Был не только лыком шит,
Свистнул, гикнул, крикнул:
«Рожа, Гад, заморский паразит,
Убирайся отсюда, уматывай,
И вампира с собою прихватывай!»
Страшно, аж жуть!

Все взревели, как медведи:
«Натерпелись столько лет!
Ведьмы мы аль не ведьмы,
Патриотки или нет?
Налил бельма, ишь ты, клещ, отоварился,
Да еще на наших женщин позарился!..»
Страшно, аж жуть!

И теперь седые люди
Помнят прежние дела:
Билась нечисть грудью в груди
И друг друга извела.
Прекратились навек безобразия.
Ходит в лес человек безбоязненно.
И не страшно ничуть!

КАЛЕЙДОСКОП

Дела семейные

В каменном веке

А ну, отдай мой каменный топор
И шкур моих набедренных не тронь.
Молчи, не вижу я тебя в упор.
Или в пещеру, поддержи огонь.

Выгадывать не смей на мелочах,
Не обострай семейный наш уклад.
Не убрана пещера и очаг,
Разбаловалась ты в матриархат.

Придержи свое мнение,
Я – глава, и мужчина – я.
Соблюдай отношения
Первобытнообщинные.

Там мамонта убьют, поднимут вой,
Начнут добычу поровну делить.
Я не могу весь век сидеть с тобой,
Мне надо хоть кого-нибудь убить.

Старейшины сейчас придут ко мне.
Смотри еще не выйди голой к ним.
Век каменный, а не достать камней.
Мне стыдно перед племенем своим.

Пять бы жен мне – наверное,
Разобрался бы с вами я!
Но дела мои скверные,
Потому – моногамия.

А все твоя проклятая родня...
Мой дядя, что достался кабану,
Когда был жив, предупреждал меня:
Нельзя из людоедок брать жену.

Не ссорь меня с общиной – это ложь,
Что будто к тебе кто-то пристаёт.
Не клевети на нашу молодежь,
Она – надежда наша и оплот!

Ну, что глядишь – тебя пока не бьют.
Отдай топор, добром тебя прошу.
И шкур не тронь, ведь люди засмеют.
До трех считаю, после – задушу.

В библейские времена (рассказ плотника Иосифа)

Возвращаюсь я с работы,
Рашпиль ставлю и стены.
Вдруг в окно порхает кто-то
Из постели от жены.

Я, понятно, вопрошаю: «Кто такой?»
А она мне отвечает: «Дух святой».

Ох, я встречу того духа.
Ох, отмечу его в ухо.
Дух – он тоже духу рознь.
Коль святой, так Машку брось.

Хоть и кровь ты голубая,
Хоть и белая ты кость
До Христа дойду и знаю:
Не пожалует Христос.

Машка – вредная натура,
Так и лезет на скандал.
Разобиделась, дура,
Вроде, значит, помешал.

Я сперва, конечно, с лаской:
То да се.
А она к стене с опаской:
«Нет, и все!»

Я тогда цежу сквозь зубы,
Но уже, конечно, грубо:
«Хоть он возрастом и древний,
Хоть годов ему тыщ шесть,
У него в любой деревне
Две-три бабы точно есть!»

... Я к Марии с предложеньем
(Я на выдумку мастак):
Мол, в другое воскресенье
Ты, Мария, сделай так:

Я потопаю под утро, –
Мол, пошел...
А ты – прими его как будто,
Хорошо?

Ты накрой его периной
И запой – тут я с дубиной.
Он крылом, а я – колом.

Он псалом, а я – кайлом!

Тут, конечно, он сдается.
Честь Марии спасена!
Потому что мне сдается,
Этот ангел – сатана.

Я влетаю с криком, с деревом,
Весь в надежде на испуг.
Машка плачет. «Машка, где он?»
«Улетел желанный дух!..»

«Как же это я не знаю?
Как успел?»
«А вот так вот, – отвечает, –
Улетел.»

Он псалом мне прочитал,
И крылом пощекотал...
– Так шутить с живым-то мужем?
Ах ты скверная жена!
Я взмахнул своим оружием:
Смейся, смейся, сатана!

В древнем Риме

Как-то вечером Патриции
Собрались у Капитолия
Новостями поделиться – и
Выпить малость алкоголя.
Не вести ж бесед тверезыми?
Марк-Патриций не мытарился,
Пил нектар большими дозами
И ужасно нанектарился.

И под древней под колонною
Он изверг из уст проклятия:
«Ох, с почтенною Матреною
Разойдусь я скоро, братия.
Она спуталась с поэтами,
Помешалась на театрах.
Так и шастает с билетами
На приезжих гладиаторов.

Я, кричит, от бескультирия
Скоро стану истеричкою.
В общем, злобствует, как фурия,
Поощряема сестричкою.
Только цикают и шикают...
Ох, налейте мне двойных!
Мне ж рабы в лицо хихикают.

На войну б, да нет войны.

Я нарушу все традиции,
Мне не справиться с обеими.
Опускаюсь я, Патриции,
Дую горькую с плебеями,
Я ей дом оставлю в Персии,
Пусть берет сестру-мегерочку...
На отцовские сестреции
Заведу себе гетерочку.

У гетер хотя все явственней,
Но они не обезумели.
У Гетеры пусть безнравственней,
Зато родственники умерли.
...Так сумею исцелиться я,
Из запоя скоро выйду я...»

И пошли домой Патриции,
Марку пьяному завидуя.

В средневековье (рыцарский турнир)

Сто сарацин убил во славу ей,
Прекрасной даме посвятил я сто смертей,
Но наш король – лукавый сир,
Затеял рыцарский турнир.
Я ненавижу всех известных королей!

Вот мой соперник – рыцарь круглого стола.
Чужую грудь мне под копьё король послал.
Но в сердце нежное её
Мое направлено копьё...
Мне наплевать на королевские дела!

Герб на груди его – там плаха и петля.
Но будет дырка там, как в днище корабля.
Он – самый первый фаворит,
К нему король благоволит.
Но мне сегодня наплевать на короля!

Король сказал: «Он с вами справится шая, –
И пошутил: – пусть будет пухом вам земля».
Я стану пищей для червей,
Тогда он женится на ней...
Простит мне бог, я презираю короля!

Вот подан знак. Друг друга взглядом пепеля,
Коней мы гоним, задыхаясь и пыля.
Забрало поднято – изволь!
Ах, как волнуется король!..

Но мне, ей-богу, наплевать на короля!

Итак, все кончено. Пусть отдохнут поля.
И льется кровь его на стебли ковыля.
Король от бешенства дрожит,
Но мне она принадлежит.
И мне сегодня наплевать на короля!

Но в замке счастливо не прожили мы с ней.
Король в поход послал на сотню долгих дней.
Не ждет меня мой идеал,
Ведь он – король, а я – вассал,
И рано, видимо, плевать на королей.

«На стол колоду, господа...»

На стол колоду, господа!
Крапленая колода.
Он подменил ее, когда,
Барон, вы пили воду.
Валет наколот, так и есть.
Барон, Ваш долг погашен.
Вы проходимец, ваша честь!
Вы проходимец, ваша честь,
И я к услугам вашим.

Но я не слышу ваш апарт³⁶.
О нет, так не годится...
А в это время Бонапарт,
А в это время Бонапарт
Переходил границу.

Закончить не смогли вы кон,
Верните бриллианты.
И вы, барон, и вы, Виконт,
Пожалте в секунданты.
Ответьте, если я неправ,
Но наперед все лживо!
Итак, оружие ваше, граф?
Прошу назвать оружие, граф,
За вами выбор, живо.

Вы не получите инфаркт,
Вам не попасть в больницу...
А в это время Бонапарт,
А в это время Бонапарт
Переходил границу.

³⁶ Апарт (*франц.*) — реплика, ответ.

Да полно, предлагаю сам:
На шпагах, пистолетах...
Хотя сподручней было б вам
На дамских амулетах.
Кинжалом, если б вы смогли...
Я дрался им в походах.
Но вы б, конечно, предпочли,
Но вы б, конечно, предпочли
На шулерских колодах.

Вам скоро будет не до карт,
Вам предстоит сразиться...
А в это время Бонапарт,
А в это время Бонапарт
Переходил границу.

Не подымайте, ничего,
Я встану сам, сумею.
Я снова вызову его,
Пусть даже протрезвею.
Барон, молчать!
Виконт, не хнычь!
Плевать, что тьма народу!
Пусть он ответит, старый хрыч,
Пусть он ответит, старый хрыч
Чем он крапил колоду.

Когда откроет тайну карт,
Дуэль не состоится...
А в это время Бонапарт,
А в это время Бонапарт
Переходил границу.

А коль откажется сказать,
Клянусь своей главою,
Графиню можете считать
Сегодня же вдовою.
И хоть я шуток не терплю,
Но я могу взбеситься,
Тогда я графу прострелю,
Тогда я графу прострелю,
Экскюз ми³⁷, ягодицу.

Вы не получите инфаркт,
Вам предстоит сразиться...
А в это время Бонапарт,
А в это время Бонапарт
Переходил границу.

А вы, Виконт, хоть и не трус,

³⁷ Экскюз ми (англ.) — прошу простить.

А все-таки скотина.
Я с вами завтра же дерусь,
Вот слово дворянина.
А вы, барон, извольте здесь
Не падать, как же можно?
Ну, а за сим имею честь,
Ну, а за сим имею честь,
Я спать хочу безбожно.

Стоял весенний месяц март,
Летели с юга птицы.
А в это время Бонапарт,
А в это время Бонапарт
Переходил границу.

Ах, граф, прошу меня простить,
Я вел себя бестактно.
Я в долг хотел у вас просить,
Но не решался как-то.
Хотел просить наедине,
Мне на людях неловко.
И вот пришлось устроить мне,
И вот пришлось устроить мне
Дебош и потасовку.

Стоял февраль, а может, март.
Летели с юга птицы.
А в это время Бонапарт,
А в это время Бонапарт
Переходил границу.

Я весь в долгах, пусть я не прав,
Имейте снисхожденье.
Примите уверенья, граф,
А с ними извиненья.
О да, я выпил целый штоф
И сразу вышел червой...
Дурак?! Вот как?
Что ж, я готов!
Итак, ваш выстрел первый.

«Оплавляются свечи...»

Оплавляются свечи
На старинный паркет.
Дождь кидает на плечи
Серебром с эполет.
Как в агонии бродит
Золотое вино.
Пусть былое уходит,
Что придет – все равно.

И, в предсмертном томленьи
Озираясь назад,
Убегают олени,
Нарываясь на залп.
Кто-то дуло наводит
На невинную грудь.
Пусть былое уходит,
Пусть придет что-нибудь.

Кто-то злой и умелый,
Веселясь, наугад
Мечет острые стрелы
В воспаленный закат.
Слышно в буре мелодий
Повторение нот.
Все былое уходит.
Что придет, то пройдет.

Песня о петровской Руси³⁸

Как засмотрится мне нынче, как задышется!
Воздух крут перед грозой. Крут да вязок.
Что споется мне сегодня? Что услышится?
Птицы вещие поют. Да все из сказок!

Птица Сирин мне радостно скалится,
Веселит, зазывает из гнезд,
А напротив – тоскует, печалится,
Травит душу чудной Алконост.

Словно семь заветных струн
Зазвенели в свой черед
Это птица Гамаюн
Надежду подает!

В синем небе, колокольнями проколотом,
Медный колокол, медный колокол
То ль возрадовался, то ли осерчал.
Купола в России кроют чистым золотом,
Чтобы чаще господь замечал...

Я стою, как перед вечною загадкой,
Пред великою да сказочной страной.
Перед солоно да горько-кисло-сладкою,
Голубою, родниковою, ржаною.

Глиной чавкая, жирной да ржавою,
Вязнут лошади по стремяна,

³⁸ Написана для кинофильма «Сказ о том, как царь Петр арапа женил».

Но влекут меня сонной державою,
Что раскисла, опухла от сна.

Словно семь богатых лун
На пути моем встает
То мне птица Гамаюн
Надежду подает!

Душу, сбитую утратами да тратами,
Душу, стертую перекатами,
Если до крови лоскут истончал,
Залатаю золотыми я заплатами,
Чтобы чаще господь замечал...

«Как по Волге-матушке...»

Как по Волге-матушке, по реке-кормилице
Все суда с товарами, струги да ладьи,
И не надорвалась, и не притомилась,
Ноша не тяжелая, корабли свои.

Вниз по Волге плавая, прохожу пороги я
И гляжу на правые берега пологие.
Там камыш шевелится, поперек ломается,
Справа берег стелется, слева поднимается.

Волга песни слышала хлеще, чем «Дубинушка»,
В ней вода исхлѣстана пулями врагов.
И плыла по матушке наша кровь-кровинушка,
Стыла бурой пеною возле берегов.

Долго в воды пресные лились слезы строгие.
Берега отвесные, берега пологие
Плакали, измызганы острыми подковами,
Но теперь зализаны эти раны волнами.

Что-то с вами сделалось, берега старинные,
Там, где стены древние, на холмах кремли,
Словно пробудились молодцы былинные
И, числом несметные, встали из земли.

Лапами грабастая, корабли стараются,
Тянут баржи с Каспия, тянут-надрываются,
Тянут, не оглянутся, и на версты многие
За крутыми тянутся берега пологие.

Пожары

Пожары над страной
Все выше, жарче, веселей.

Их отблески плясали в два притопа, три прихлопа,
Но вот судьба и время
Пересели на коней,
А там в галоп, под пули в лоб.
И мир ударило в озноб
От этого галопа.
Шальные пули злы,
Глупы и бестолковы,
А мы летели вскачь,
Они за нами в лет.
Расковывались кони,
И горячие подковы
Летели в пыль на счастье тем,
Кто их потом найдет.
Увертливы поводья, словно угри,
И спутаны и волосы и мысли на бегу,
А ветер дул и расправлял нам кудри
И распрямлял извилины в мозгу.

Ни бегство от огня,
Ни страх погони – ни при чем,
А время подскакало, и Фортуна улыбалась.
И сабли седоков
Скрестились с солнечным лучом.
Седок – поэт,
А конь – Пегас,
Пожар померк, потом погас,
А скачка разгоралась.

Еще не видел свет подобного аллюра!
Копыта били дробь.
Трезвонила капель.
Помешанная на крови, слепая пуля-дура
Прозрела,
Поумнела вдруг
И чаще била в цель.

И кто кого – азартней перепляса,
И кто скорее – в этой скачке опоздавших нет,
А ветер дул, с костей сдувая мясо
И радуя прохладой скелет.

Удача впереди
И исцеление больным
Впервые скачет время напрямую, не по кругу.
Обещанное – завтра
Будет горьким и хмельным...

Светло скакать
Врага видать,
И друга тоже... благодать!
Судьба летит по кругу!

Доверчивую смерть вокруг пальца обернули.
Замешкалась она, забыв махнуть косой.
Уже не догоняли нас и отставали пули.
Удастся ли умыться нам не кровью, а росой?

Пел ветер все печальнее и глуше,
Навылет время ранено,
Досталось и судьбе.
Ветра и кони
И тела и души
Убитых выносили на себе.

Все относительно³⁹

О вкусах не спорят, есть тысяча мнений,
Я этот закон на себе испытал.
Ведь даже Эйнштейн, физический гений,
Весьма относительно все понимал.

Оделся по моде, как требует век,
Вы скажете сами:
«Да это же просто другой человек!»
А я – тот же самый.
Вот уж действительно
Все относительно,
Все-все, все.

Набедренный пояс из шкуры пантеры.
О да, неприлично! Согласен, ей-ей,
Но так одевались все до нашей эры,
А до нашей эры им было видней.

Оделся по моде, как в каменный век!
Вы скажете сами:
«Да это же просто другой человек!»
А я – тот же самый.
Вот уж действительно
Все относительно,
Все-все, все.

Оденусь как рыцарь я после турнира,
Знакомые вряд ли узнают меня.
И крикну как Ричард я в драме Шекспира:
«Коня мне! Полцарства даю за коня!»

Но вот усмехнется и скажет сквозь смех
Ценитель упрямый:
«Да это же просто другой человек!»

³⁹ Из кинофильма «Последний жулик».

А я – тот же самый.
Вот уж действительно
Все относительно,
Все-все, все.

Вот трость, канотье, я из НЭПа, похоже?
Не надо оваций, к чему лишний шум?
Ах, в этом костюме узнали, ну что же,
Тогда я надену последний костюм.

Долой канотье, вместо тросточки – стек,
И шепчутся дамы:
«Да это же просто другой человек!»
А я – тот же самый.
Вот уж действительно
Все относительно,
Все-все, все.

Москва – Одесса

В который раз лечу Москва – Одесса,
Опять не выпускают самолет.
А вот прошла вся в синем стюардесса, как принцесса,
Надежная, как весь гражданский флот.

Над Мурманском ни туч, ни облаков,
И хоть сейчас лети до Ашхабада.
Открыты Киев, Харьков, Кишинёв,
И Львов открыт, но мне туда не надо.

Сказали мне: «Сегодня не надейся,
Не стоит уповать на небеса».
И вот опять дают задержку рейса на Одессу,
Теперь обледенела полоса.

А в Ленинграде с крыши потекло,
И что мне не лететь до Ленинграда?
В Тбилиси – там все ясно, там тепло,
Там чай растёт, но мне туда не надо.

Я слышу, ростовчане вылетают,
А мне в Одессу надо позарез,
Но надо мне туда, куда меня не принимают.
И потому откладывают рейс.

Мне надо, где сугробы намело,
Где завтра ожидают снегопада,
А где-нибудь все ясно и светло,
Там хорошо, но мне туда не надо.

Отсюда не пускают, а туда не принимают,

Несправедливо, грустно мне, но вот
Нас на посадку скучно стюардесса приглашает,
Похожая на весь гражданский флот.

Открыли самый дальний закуток,
В который не заманят и награды,
Открыт закрытый порт Владивосток,
Париж открыт, но мне туда не надо.

Взлетим мы, распогодится.
Теперь запреты снимут.
Напрягся лайнер, слышен визг турбин.
Но я уже не верю ни во что, меня не примут,
У них найдется множество причин.

Мне надо, где метели и туман,
Где завтра ожидают снегопада,
Открыты Лондон, Дели, Магадан,
Открыто все, но мне туда не надо.

Я прав, хоть плачь, хоть смейся,
Но опять задержка рейса,
И нас обратно к прошлому ведет
Вся стройная, как «Ту», та стюардесса мисс Одесса,
Доступная, как весь гражданский флот.

Опять дают задержку до восьми,
И граждане покорно засыпают.
Мне это надоело, черт возьми,
И я лечу туда, где принимают!

«Я все вопросы освещу сполна...»

Я все вопросы освещу сполна,
Дам любопытству удовлетворенье.
Да! у меня француженка жена,
Но русского она происхожденья.
Нет! у меня сейчас любовниц нет.
А будут ли? Пока что не намерен.
Не пью примерно около двух лет.
Запью ли вновь? Не знаю, не уверен.

Да нет! живу не возле «Сокола»,
В Париж пока что не проник...
Да что вы все вокруг да около?
Да спрашивайте напрямик!

Я все вопросы освещу сполна,
Как на духу попу в исповедальне.
В блокноты ваши капает слюна.
Вопросы будут, видимо, о спальне?

Да, так и есть! Вот густо покраснел
Интервьюер: – Вы изменяли женам?
Как будто за портьеру посмотрел
Иль под кровать залег с магнитофоном.

Да нет! живу не возле «Сокола»,
В Париж пока что не проник...
Да что вы все вокруг да около?
Да спрашивайте напрямик!

Теперь я к основному перейду:
Один, стоявший скромно в уголочке,
Спросил: – А что имели вы в виду
В такой-то песне и такой-то строчке?
Ответ: – Во мне Эзоп не воскресал.
В кармане фиги нет, не суетитесь!
А что имел в виду – то написал:
Вот, вывернул карманы – убедитесь!

Да нет! живу не возле «Сокола»,
В Париж пока что не проник...
Да что вы все вокруг да около?
Да спрашивайте напрямик!

Тау-Кита

В далеком созвездии Тау-Кита
Все стало для нас непонятно.
Сигнал посылаем: «Вы что это там?»
А нас посылают обратно.
На Тау-Ките
Живут в красоте,
Живут, между прочим, по-разному
Товарищи наша по разуму.

Вот, двигаясь по световому лучу
Без помощи, но при посредстве,
Я к Тау-Ките этой самой лечу,
Чтоб с ней разобраться на месте.
На Тау-Кита
Чего-то не так,
Там тау-китайская братия
Свихнулась, по нашим понятиям.

Покуда я в анабиозе лежу,
Те Тау-Китяне буянят.
Все реже я с ними на связь выхожу,
Уж очень они хулиганят.
У Тау-Китов
В алфавите слов
Немного, и строй буржуазный,

И юмор у них безобразный.

Корабль посадил я, как собственный зад,
Слегка покривив отражатель,
Я крикнул по таукитянски: «Виват!»,
Что значит по-нашему «Здрасьте».
У Тау-Китян
Вся внешность – обман,
Тут с ними нельзя состязаться:
То явятся, то растворятся.

Мне Тау-Китянин – как вам Папуас,
Мне вкратце про них намекнули.
Я крикнул: «Галактике стыдно за вас!»
В ответ они чем-то мигнули.
На Тау-Ките Условия не те:
Тут нет атмосферы, тут душно,
Но тау-китяне радушны.

В запале я крикнул им: «Мать вашу, мол!»
Но кибернетический гид мой
Настолько дословно меня перевел,
Что мне за себя стало стыдно.
Но Тау-Киты
Такие скоты,
Наверно, успели набраться:
То явятся, то растворятся.

«Эй, братья по полу, – кричу, – мужики!»
Но что-то мой голос сорвался.
Я тау-китянку схватил за грудки:
«А ну, – говорю, – признавайся!»
Она мне: «уйди,
Мол, мы впереди,
Не хотим с мужчинами знаться,
А будем теперь почковаться».

Не помню, как поднял я свой звездолет.
Лечу в настроенье питейном.
Земля ведь ушла лет на триста вперед
По гнусной теории Эйнштейна.
Что, если и там,
Как на Тау-Кита,
Ужасно повысилось знание,
Что, если и там почкованье?...

«Кто верит в Магомета, кто в Аллаха, кто в Исуа...»

Кто верит в Магомета, кто в Аллаха, кто в Исуа,
Кто ни во что не верит, даже в черта, назло всем.
Хорошую религию придумали Индусы,

Что мы, отдав концы, не умираем насовсем.

Стремилась ввысь душа твоя –
Родишься вновь с мечтою.
Но если жил ты, как свинья,
Останешься свиньею.

Пусть косо смотрят на тебя – привыкни к укоризне.
Досадно – что ж, родишься вновь, на колкости горазд.
И если видел смерть врага еще при этой жизни,
В другой тебе дарован будет верный зоркий глаз.

Живи себе нормальненько,
Есть повод веселиться,
Ведь, может быть, в начальника
Душа твоя вселится.

Пускай живешь ты дворником, родишься вновь прорабом,
А после из прораба до министра дорастешь.
Но если туп, как дерево, – родишься баобабом
И будешь баобабом тыщу лет, пока помрешь.

Досадно попугаем жить,
Гадюкой с длинным веком.
Не лучше ли при жизни быть
Приличным человеком.

Так кто есть кто, так кто был кем, мы никогда не знаем.
С ума сошли генетики от ген и хромосом.
Быть может, тот облезлый кот был раньше негодяем,
А этот милый человек был раньше добрым псом.

Я от восторга прыгаю,
Я обхожу искусства.
Удобную религию
Придумали Индусы.

«Один музыкант объяснил мне пространно...»

Один музыкант объяснил мне пространно,
Что будто гитара свой век отжила.
Заменят гитару – электрогораны,
Электророяль и электропила.

Но гитара опять
Не хочет молчать,
Поет ночами лунными,
Как в юность мою,
Своими семью
Серебряными струнами.

Я слышал, вчера кто-то пел на бульваре.
И голос уверен, и голос красив.
Но мне показалось, устала гитара
Звенеть под его залихватский мотив.

И все же опять
Не хочет молчать,
Поет ночами лунными,
Как в юность мою,
Своими семью
Серебряными струнами.

Электророяль мне, конечно, не пара,
Другие появятся с песней другой.
Но кажется мне, не уйдем мы с гитарой
На заслуженный, но нежеланный покой.

Гитара опять
Не хочет молчать,
Поет ночами лунными,
Как в юность мою,
Своими семью
Серебряными струнами.

СПОРТ-СПОРТ

Про конькобежца-спринтера, которого заставили бежать на длинную дистанцию

Десять тысяч и всего один забег остался.
В это время наш Бескудников Олег зазнался.
Я, мол, болен, бюллетеню, нету сил. И сгинул.
Вот наш тренер мне тогда и предложил: беги, мол.
Я ж на длинной на дистанции помру, не охну.
Пробегу всего, быть может, первый круг и сдохну.
Но сурово тренер мне: Что за дела? мол, надо Федя,
Главное, чтобы воля тут была к победе.
Воля волей, если сил невпроворот, а я увлекся,
Я рванул на десять тыщ как на пятьсот, и спекся,
Подвела меня, ведь я ж предупреждал, дышалка.
Пробежал всего два круга и упал, а жалко.
И наш тренер, экс- и вице-чемпион ОРУДа,
Не пускать меня велел на стадион, иуда.
Ведь вчера мы только брали с ним с тоски по банке,
А сегодня он кричит: «Меняй коньки на санки!»
Жалко тренера, он тренер неплохой, ну бог с ним.
Я ведь нынче занимаюсь и борьбой и боксом.
Не имею я теперь на счет на свой сомнений.
Все вдруг стали очень вежливы со мной, и тренер.

вратарь

Льву Яшину

Да, сегодня я в ударе, не иначе,
Надрываются в восторге москвичи,
А я спокойно прерываю передачи
И вытаскиваю мертвые мячи.

Вот судья противнику пенальти назначает,
Репортеры тучею кишат у тех ворот.
Лишь один упрямо за моей спиной скучает –
Он сегодня славно отдохнет!

Извиняюсь,
вот мне бьют головой...
Я касаюсь,
попадают угловой.
Бьет «десятый», дело в том,
Что своим «Сухим листом»
Размочить он может счет нулевой.

Мяч в моих руках – с ума трибуны сходят,
Хоть «десятый» его ловко завернул.
У меня давно такие не проходят,
Только сзади кто-то тихо вдруг вздохнул.

Обернулся, слышу голос из-за фотокамер:
«Извини, но ты мне, парень, снимок запарол.
Что тебе – ну лишний раз потрогать мяч руками,
Ну а я бы снял красивый гол».

Я хотел его послать –
не пришлось:
Еле-еле мяч достать
удалось.
Но едва успел привстать,
Слышу снова: «Вот опять!
Все ловить тебе, хватать,
Не дал снять».

«Я, товарищ дорогой, все понимаю,
Но культурно вас прошу: Подите прочь!
Да, вам лучше, если хуже я играю,
Но поверьте – я не в силах вам помочь».

Вот летит девятый номер с пушечным ударом,
Репортер бормочет: «Слушай, дай ему забить.
Я бы всю семью твою всю жизнь снимал задаром...»
Чуть не плачет парень. Как мне быть?

«Это все-таки футбол, –
говорю, –
Нож по сердцу – каждый гол –
вратарю», –
«Да я ж тебе, как вратарю,
Лучший снимок подарю,
Пропусти, а я отблагодарю».

Гнусь, как ветка, от напора репортера,
Неуверенно иду на перехват...
 Попрошу-ка я тихонечко партнеров,
Чтоб они ему разбили аппарат.

Вот опять он ноет: «Это ж, друг, бесчеловечно.
Ты, конечно, можешь взять, но только, извини, –
Это лишь момент, а фотография навечно.
А ну не шевелись, потяни!»

Пятый номер в двадцать два
знаменит.
Не бежит он, а едва
семенит,
В правый угол мяч, звеня,
Значит, в левый от меня,
Залетает и нахально лежит.

В этом тайме мы играли против ветра.
Так что я не мог поделаться ничем.
Снимок дома у меня два на три метра
Как свидетельство позора моего.

Проклинаю миг, когда фотографу потрафил,
Ведь теперь я думаю, когда беру мячи:
«Сколько ж мною испорчено прекрасных фотографий...»
Стыд меня терзает, хочь кричи.

Искуситель-змей, палач,
как мне жить?
Так и тянет каждый мяч
пропустить
Я весь матч борюсь с собой,
Видно, жребий мой такой...
«Так, спокойно, подают угловой...»

Честь шахматной короны

I. Подготовка

Я кричал: «Вы что там, обалдели? –
Уронили шахматный престиж!»

Мне сказали в нашем спортотделе:
«Ага, прекрасно – ты и защитишь!»

Но учти, что Фишер очень ярок, –
Даже спит с доскою – сила в ем,
Он играет чисто, без помарок...»
Ничего, я тоже не подарок, –
У меня в запасе – ход конем.

Ох вы мускулы стальные,
Пальцы цепкие мои!
Эх, резные, расписные
Деревянные лады!

Друг мой, футболист, учил: «Не бойся, –
Он к таким партнерам не привык.
За тылы и центр не беспокойся,
А играй по краю – напрямик!..»

Я налег на бег, на стометровки,
В бане вес согнал, отлично сплю,
Были по хоккею тренировки...
В общем, после этой подготовки –
Я его без мата задавлю!

Ох, вы сильные ладони,
Мышцы крепкие спины!
Эх вы кони мои, кони,
Ох вы милые слоны!

«Не спеши и, главное, не горбись, –
Так боксер беседовал со мной, –
В ближний бой не лезь, работай в корпус,
Помни, что коронный твой – прямой».

Честь короны шахматной – на карте, –
Он от поражения не уйдет:
Мы сыграли с Талем десять партий –
В преферанс, в очко и на бильярде, –
Таль сказал: «Такой не подведет!»

Ох, рельеф мускулатуры!
Дельтовидные – сильны!
Что мне его легкие фигуры,
Эти кони да слоны!

И в буфете, для других закрытом,
Повар успокоил: «Не робей!
Ты с таким прекрасным аппетитом –
Враз проглотишь всех его коней!

Ты присядь перед дорогой дальней –

И бери с питанием рюкзак.
На двоих готовь пирог пасхальный:
Этот Шифер – хоть и гениальный, –
А небось покушать не дурак!»

Ох мы – крепкие орешки!
Мы корону – привезем!
Спать ложусь я – вроде пешки,
Просыпаюся – ферзем!

II. Игра

Только прилетели – сразу сели.
Фишки все заранее стоят.
Фоторепортеры налетели –
И слепят, и с толку сбить хотят.

Но меня и дома – кто положит?
Репортерам с ног меня не сбить!..
Мне же неумение поможет:
Этот Шифер ни за что не сможет
Угадать, чем буду я ходить.

Выпало ходить ему, задире, –
Говорят, он белыми мастак! –
Сделал ход с е2 на е4...
Что-то мне знакомое... Так-так!

Ход за мной – что делать!? Надо, Сева, –
Наугад, как ночью по тайге...
Помню – всех главнее королева:
Ходит взад-вперед и вправо-влево, –
Ну а кони вроде – только буквой «Г».

Эх, спасибо заводскому другу –
Научил, как ходят, как сдают...
Выяснилось позже – я с испугу
Разыграл классический дебют!

Все следил, чтоб не было промашки,
Вспоминал все повара в тоске.
Эх, сменить бы пешки на рюмашки –
Живо б прояснилось на доске!

Вижу, он нацеливает вилку –
Хочет съесть, – и я бы съел ферзя...
Под такой бы закусью – да бутылку!
Но во время матча пить нельзя.

Я голодный, посудите сами:
Здесь у них лишь кофе да омлет, –

Клетки – как круги перед глазами,
Королей я путаю с тузами
И с дебютом путаю дуплет.

Есть примета – вот я и рискую:
В первый раз должно мне повезти.
Да я его замучу, зашахую –
Мне бы только дамку провести!

Не мычу не телюсь, весь – как вата.
Надо что-то бить – уже пора!
Чем же бить? Ладьею – страшновато,
Справа в челюсть – вроде рановато,
Неудобно – первая игра.

...Он мою защиту разрушает –
Старую индийскую – в момент, –
Это смутно мне напоминает
Индо-пакистанский инцидент.

Только зря он шутит с нашим братом,
У меня есть мера, даже две:
Если он меня прикончит матом,
Так я его – через бедро с захватом,
Или – ход конем – по голове!

Я еще чуток добавил прыти –
Все не так уж сумрачно вблизи:
В мире шахмат пешка может выйти –
Если тренируется – в ферзи!

Шифер стал на хитрости пускаться:
Встанет, пробежится и – назад;
Предложил турами поменяться, –
Ну, еще б ему меня не опасаться –
Я же лежа жму сто пятьдесят!

Я его фигурку смерил оком,
И когда он объявил мне шах –
Обнажил я бицепс ненароком,
Даже снял для верности пиджак.

И мгновенно в зале стало тише,
Он заметил, что я привстаю...
Видно, ему стало не до фишек –
И хваленый пресловутый Фишер
Тут же согласился на ничью.

Штангисты

Посвящается В. Алексееву

Как спорт, подныть тяжестей не ново
В истории народов и держав.
Вы помните, как некий грек другого
Поднял и бросил, чуть попридержав?

Как шею жертвы, круглый гриф сжимаю,
Чего мне ждать, оваций или свист?
Я от земли Антея отрываю,
Как первый древнегреческий штангист.

Где стоять мне, в центре или с фланга?
Скован я, в движениях не скор.
Штанга, перегруженная штанга
Вечный мой соперник и партнер.

Такую неподъемную громаду
Врагу не пожалею своему.
Я подхожу к тяжелому снаряду
С тяжелым чувством: вдруг не подниму?

Мы оба с ним как будто из металла,
Но только он действительно металл.
А я так долго шел до пьедестала,
Что вмятины в помосте протоптал.

Не отмечен грацией мустанга,
Скован я, в движениях не скор.
Штанга, перегруженная штанга
Вечный мой соперник и партнер.

Повержен враг на землю. Как красиво!
Но крик: «Вес взят» у многих на слуху.
Вес взят – прекрасно, но несправедливо,
Ведь я внизу, а штанга наверху.

Такой триумф подобен пораженью,
А смысл победы до смешного прост:
Все дело в том, чтоб, завершив движенье,
С размаху штангу бросить на помост.

Не отмечен грацией мустанга,
Скован я, в движениях не скор.
Штанга, перегруженная штанга
Вечный мой соперник и партнер.

Но вверх ползет, чем дальше, тем безвольней.
Мне напоследок мышцы рвет по швам.
И со своей высокой колокольни
Мне зритель крикнул: «Брось ее к чертям!»

Еще одно последнее мгновенье
И брошен наземь мой железный бог...
Я выполнил обычное движенье
С коротким, злым названием «Рывок».

ЗАНОЗЫ

Баллада о бане

Благодать или благословенье
Ниспошли на подручных твоих!
Дай им бог совершить омовенье,
Окунаясь в святая святых!

Исцеленьем от язв и уродства
Будет душ из живительных вод.
Это словно возврат первородства
Или нет – осушенья болот.

Все пороки, грехи и печали,
Равнодушьё, согласие и спор
Пар, который вот только наддали,
Вышибает, как пулей, из пор.

Все, что мучит тебя, испарится
И поднимется вверх, к небесам.
Ты ж, очистившись, должен спуститься.
Пар с грехами расправится сам.

Не стремись прежде времени к душе,
Не равняй с очищеньем мытье.
Нужно выпороть веником душу,
Нужно выпарить смрад из нее.

Здесь нет голых, стесняться не надо,
Что кривая рука да нога.
Здесь – подобие райского сада:
Пропуск тем, кто раздет донага.

И, в предбаннике сбросивши вещи,
Всю одетость свою позабуди!
Одинаково веничек хлещет,
Как ты там не выпячивай грудь.

Все равны здесь единым богатством,
Все легко переносят жару,
Здесь свободу и равенство с братством
Ощущаешь в кромешном пару.

Загоняй поколения в парную!
И крещение принять убеди!
Лей на нас свою воду святую
И от варварства освободи!

«И вкусы и запросы мои странны...»

И вкусы и запросы мои странны,
Я экзотичен, мягко говоря:
Могу одновременно грызть стаканы
И Шиллера читать без словаря.

Во мне два «Я», два полюса планеты,
Два разных человека, два врага.
Когда один стремится на балеты,
Другой стремится прямо на бега.

Я лишнего и в мыслях не позволю,
Когда живу от первого лица.
Он часто вырывается на волю –
Второе «Я» в обличье подлеца.

И я борюсь, давлю в себе мерзавца.
О, участь беспокойная моя.
Боюсь ошибки, может оказаться,
Что я давлю не то второе «Я».

Когда в душе я раскрываю гранки
На тех местах, где искренность сама,
Тогда мне в долг дают официантки
И женщины ласкают задарма.

Но вот летят к чертям все идеалы,
Но вот я груб, я нетерпим и зол.
Но вот сижусь и тупо ем бокалы,
Забрасывая Шиллера под стол.

А суд идет, весь зал мне смотрит в спину.
Вы, прокурор, вы, гражданин судья,
Поверьте мне, не я разбил витрину,
А подлое мое второе «Я».

И я прошу вас, строго не судите.
Лишь дайте срок, но не давайте срок.
Я буду посещать суды как зритель
И к судьям заходить на огонек.

Я больше не намерен бить витрины
И лица граждан, – так и запиши!
Я воссоединю две половины
Моей больной раздвоенной души.

Искореню, похороню, зарюю,
Очищусь, ничего не скрою я.
Мне чуждо это «Я» мое второе,
Нет, это не мое второе «Я».

Диалог у телевизора

– Ой, Вань, смотри, какие клоуны,
Рот – хоть завязочки пришей.
Ой, до чего, Вань, размалеваны,
И голос, как у алкашей.
А тот похож, нет, правда, Вань,
На шурина, такая ж пьянь.
Ну нет, ты глянь, нет-нет, ты глянь,
Я правда, Вань.

– Послушай, Зин, не трогай шурина.
Какой ни есть, а он – родня.
Сама намазана, прокурена,
Гляди, дожدهшься у меня!
А чем болтать, взяла бы, Зин,
В антракт сгоняла б в магазин.
Что, не пойдешь? Ну я один,
Подвинься, Зин.

– Ой, Вань, гляди, какие карлики,
В джерси одеты, не в шевьет,
На нашей пятой швейной фабрике
Такое вряд ли кто пошьет.
А у тебя, ей-богу, Вань,
Ну все друзья такая рвань
И пьют всегда в такую рань
Такую дрянь!

– Мои друзья хоть не в болонии,
Зато не тащат из семьи,
А гадость пьют из экономии.
Хоть поутру, да на свои.
А у тебя самой-то, Зин,
В семидесятом был грузин,
Так тот вообще хлебал бензин,
Ты вспомни, Зин.

– Ой, Вань, гляди-кось, попугайчики!
Нет, я, ей-богу, закричу.
А это кто в короткой маечке?
Я, Вань, такую же хочу.
В конце квартала, правда, Вань,
Ты мне такую же сваргань.
Ну, что «отстань», всегда «отстань»,

Обидно, Вань!

– Ты, Зина, лучше помолчала бы,
Накрылась премия в квартал.
Кто мне писал на службу жалобы?
Не ты? Да я же их читал.
К тому же эту майку, Зин,
Тебе напяль – позор один.
Тебе ж шитья пойдет аршин,
Где деньги, Зин?

– Ой, Вань, умру от акробатиков!
Смотри, как вертится, нахал.
Завцеха наш, товарищ Сатюков,
Недавно в клубе так скакал.
А ты придешь домой, Иван,
Поешь и сразу на диван
Иль вот кричишь, когда не пьян,
Ты что, Иван?

– Ты, Зин, на грубость нарываешься,
Все, Зин, обидеть норовишь.
Тут за день так накувыркаешься,
Придешь домой – там ты сидишь.
Ну и меня, конечно, Зин,
Сейчас же тянет в магазин,
А там друзья... Ведь я же, Зин,
Не пью один.

Ого, однако же, гимнасточка!
Гляди-кось, ноги на винтах,
У нас в кафе молочном «Ласточка»
Официантка может так.
А у тебя подруги, Зин,
Все вяжут шапочки для зим,
От ихних скучных образин
Дуреешь, Зин.

– Как, Вань, а Лилька Федосеева,
Кассирша из ЦПКО?
Ты к ней все лез на новоселии,
Она так очень ничего.
А чем ругаться, лучше, Вань,
Поедем в отпуск в Ереван.
Ну что «отстань», опять «отстань»!
Обидно, Вань.

Объяснительная записка в милицейском протоколе

Считать по-нашему, мы выпили немного,
Не вру, ей-богу, скажи, Серега!

И если б водку гнать не из опилок,
То что б нам было с пять бутылок.

Вторую пили близ прилавка в закуточке,
Но это были как раз еще цветочки,
Потом в скверу, где детские грибочки,
Потом... Не помню, дошел до точки.

Я пил из горлышка с устатку и не евши,
Но как стекло был остекленевший.
Ну а когда коляска подкатила,
Тогда в нас было семьсот на рыло.

Мы, правда, третьего насильно затащили,
Но тут промашка – переборщили.
А что очки товарищу разбили,
Так то портвейном усугубили.

Товарищ первый нам сказал, что, мол, уймьтесь,
Что не буяньте, что разойдитесь.
Ну «разойтись» я сразу согласился
И разошелся, и расходился.

Но если я кого ругал, карайте строго,
Ну это вряд ли, скажи, Серега!
А что упал – так то от помутнения,
Орал не с горя, от отупения.

Теперь позвольте пару слов без протокола.
Чему нас учит, семья и школа?
Что жизнь сама таких накажет строго,
Тут мы согласны, скажи, Серега!

Он протрезвеет и, конечно, тоже скажет,
Пусть жизнь осудит, пусть жизнь подскажет.
Так отпустите, вам же легче будет.
К чему возиться, коль жизнь осудит.

Вы не глядите, что Сережа все кивает.
Он соображает, все понимает,
А что молчит, так это от волнения,
От осознания и просветления.

Не запирайте, люди, плачут дома детки,
Ему же в Химки, да мне в Медведки...
А, все равно: Автобусы не ходят,
Метро закрыто, в такси не содят.

Приятно все ж таки, что нас тут уважают,
Гляди, подвозят, гляди, сажают.
Разбудит утром не петух, прокукарекав,
Сержант поднимет как человек.

Нас чуть не с музыкой проводят, как проспимся.
Я рубль заначил, слышь, Сергей, опохмелимся.
Но все же, брат, трудна у нас дорога!
Эх, бедолага, ну спи, Серега.

Песенка полотера

Не берись, коль не умеешь,
Не умеючи – не трожь.
Не подмажешь – не поедешь,
А подмажешь – упадешь.

Эх, не даром говорится,
Дело мастера боится,
И боится дело это
Ваню – мастера паркета.

Посередке всей эпохи
Ты на щетках попляши.
С женским полом шутки плохи,
А с натертым хороши.

Говорят, не нужно скоро
Будет званье полотера.
В наше время это мненье –
Роковое заблужденье.

Даже в этой пятилетке
На полу играют детки,
Проливают детки слезы
От какой-нибудь занозы.

Пусть елозят наши дети,
Пусть играют в юлу
На натертом на паркете
На надраенном полу.

Мой сосед (песня профессионального склочника)

Мой сосед объездил весь союз.
Что-то ищет, а чего – не видно.
Я в дела чужие не суюсь,
Но мне очень больно и обидно.

У него на окнах плюш и шелк,
Клава его шастает в халате.
Я б в Москве с киркой уран нашел
При его повышенной зарплате.

И сдается мне, что люди врут.
Он нарочно ничего не ищет,
А для чего – ведь денежки идут.
Ох, какие крупные деньжищи.

А вчера на кухне ихней сын
Головой упал у нашей двери
И разбил нарочно мой графин,
Я – папаше счет в тройном размере.

Ему, значит, рупь, а не пятак?
Пусть теперь мне платят неустойку.
Я ведь не из завести, я так,
Ради справедливости, и только.

Ничего, я им создам уют,
Живо он квартиру поменяет.
У них денег – куры не клюют,
А у нас на водку не хватает.

Песня автомобилиста

Отбросив прочь свой деревянный посох,
Упав на снег и полежав ничком,
Я встал и сел в «погибель на колесах»,
Презрев передвижение пешком.

Я не предполагал играть судьбою,
Не собирался спирт в огонь подлить,
Я просто этой быстрою ездой
Намеревался жизнь свою продлить.

Подошвами своих спортивных «чешек»
Топтал я прежде тропы и полы,
И был неуязвим я для насмешек,
И был недосыгаем для хулы.

Но я в другие перешел разряды,
Меня не примут в общую кадрили.
Я еду – и ловлю косые взгляды
И на меня, и на автомобиль.

Прервав общения и рукопожатья,
Отворотилась прочь моя среда,
Но кончилось глухое неприятье,
И началась открытая вражда.

Я в мир вкатился, чуждый нам по духу,
Все правила движенья поправ.
Орудовцы мне робко жали руку,
Вручая две квитанции на штраф.

Я во вражду включился постепенно,
Я утром зрел плоды ночных атак:
Морским узлом завязана антенна...
То был намек: С тобою будет так!

Прокравшись огородами, полями,
Вонзали шило в шины, как кинжал.
Я ж отбивался целый день рублями,
И не сдавался, и в боях мужал.

Безлунными ночами я нередко
Противника в засаде поджидал,
Но у него поставлена разведка,
И он в засаду мне не попадал.

И вот, как «языка», бесшумно сняли
Передний мост и унесли во тьму.
Передний мост!.. Казалось бы, детали,
Но без него и задний ни к чему.

Я доставал мосты, рули, колеса,
Не за глаза красивые – за мзду.
Но понял я: не одолеть колосса.
Назад! пока машина на ходу.

Назад к моим нетленным пешеходам!
Пусти назад, о, отворись, сезам!
Назад, в метро, к подземным переходам!
Назад, руль влево и – по тормозам!

Восстану я из праха, вновь обыден,
И отряхнусь, выплевывая пыль.
Теперь народом я не ненавижим
За то, что у меня автомобиль!

«Так дымно, что в зеркале нет отраженья...»

Так дымно, что в зеркале нет отраженья,
И даже напротив не видно лица,
И пары успели устать от круженья,
И все-таки я допою до конца.

Полгода не балует солнцем погода,
И души застыли под коркою льда,
И, видно, напрасно я жду ледохода,
И память не может согреть в холода.

В оркестре играют устало, сбиваясь,
Смыкается круг – не прорвать мне кольца.
Спокойно я должен уйти улыбаясь,

Но все-таки я допою до конца.

«Не впадай ни в тоску, ни в азарт ты...»

Не впадай ни в тоску, ни в азарт ты,
Даже в самой невинной игре
Не давай заглянуть в свои карты
И до срока не сбрось козырей.

Отключи посторонние звуки
И следи, чтоб не прятал глаза,
Чтоб держал он на скатерти руки
И не смог передернуть туза.

Никогда не тянись за деньгами,
Если ж ты, проигравши, поник
Как у Пушкина в «Пиковой даме»,
Ты останешься с дамою пик.

Если ж ты у судьбы не в любимцах,
Сбрось очки и закончи на том.
Крикни: – карты на стол! Проходимцы!
И уйди с отрешенным лицом.

«В ресторанах по стенкам висят тут и там...»

В ресторане по стенкам висят тут и там
«Три медведя», «Заколотый витязь».
За столом одиноко сидит капитан.
– Разрешите? – спросил я. – Садитесь.

– Закури. – Извините, «Казбек» не курю.
– Ладно, выпей. Давай-ка посуду.
– Да пока принесут... – Пей, кому говорю!
Будь здоров!.. – Обязательно буду.

– Ну так что же, – сказал, захмелев, капитан,
Водку пьешь ты красиво, однако.
А видал ты вблизи пулемет или танк,
А ходил ли ты, скажем, в атаку?

В сорок третьем под Курском я был старшиной,
За моею спиною такое...
Много всякого, брат, за моею спиной,
Чтоб жилось тебе, парень, спокойно...

Он ругался и пил. Я – за ним по пятам.
Только в самом конце разговора
Я его оскорбил, я сказал: «Капитан,
Никогда ты не будешь майором».

Он заплакал тогда, он спросил про отца.
Он кричал, тупо глядя на блюдо:
– Я полжизни отдал за тебя, подлеца.
А ты жизнь прожигаешь, паскуда.

А винтовку тебе? А послать тебя в бой?!
А ты водку тут хлещешь со мною!..
...Я сидел, как в окопе под Курской дугой,
Там, где был капитан старшиной...

Он всё больше хмелел, я – за ним по пятам, –
Только в самом конце разговора
Я обидел его – я сказал: «Капитан,
Никогда ты не будешь майором!»

«Зарыты в нашу память на века...»

Зарыты в нашу память на века
И даты, и события, и лица,
А память как колодец глубока,
Попробуй заглянуть – наверняка
Лицо – и то – неясно отразится.

Разглядеть, что истинно, что ложно,
Может только беспристрастный суд.
Осторожно с прошлым, осторожно,
Не разбейте глиняный сосуд.

Одни его лениво ворошат,
Другие неохотно вспоминают,
А третьи даже помнить не хотят,
И прошлое лежит, как старый клад,
Который никогда не раскопают.

И поток годов унес с границы
Стрелки – указатели пути,
Очень просто в прошлом заблудиться
И назад дороги не найти.

С налета не вини – повремени!
Есть у людей на все свои причины.
Не скрыть, а позабыть хотят они:
Ведь в толще лет еще лежат в тени
Забывшие заржавленные мины.

В минном поле прошлого копаться
Лучше без ошибок, потому
Что на минном поле ошибаться
Просто абсолютно ни к чему.

Один толчок – и стрелки побегут,
А нервы у людей не из каната,
И будет взрыв, и перетрется жгут...
Ах, если люди вовремя найдут
И извлекут до взрыва детонатор!

Спит земля спокойно под цветами,
Но когда находят мины в ней,
Их берут умелыми руками
И взрывают дальше от людей.

ЧЕРНОЕ ЗОЛОТО

Дальний рейс

Мы без этих колес, словно птицы без крыл.
Пуще зелья нас приворожила
Пара сот лошадиных сил
И, наверно, нечистая сила.

Говорят, все конечные пункты земли
Нам маячат большими деньгами.
Километры длиною в рубли,
Говорят, остаются за нами.

Хлестнет по душам нам конечный пункт.
Моторы глушим и плашмя на грунт.
Пусть говорят – мы за рулем
За длинным гонимся рублем,
Да, это тоже, но суть не в том.

Нам то тракты прямые, то петли шоссе.
Эх, еще бы чуток шоферов нам!
Не надеюсь, что выдержат все
Не сойдут на участке неровном.

Но я скатом клянусь – тех, кого мы возьмем
На два рейса на нашу галеру,
Живо в божеский вид приведем
И, понятно, в шоферскую веру.

И нам, трехосным, тяжелым на подъем
И в переносном смысле и в прямом.
Обычно надо позарез,
И вечно времени в обрез!
Оно понятно – далекий рейс.

В дальнем рейсе сиденье – то стол, то лежак,
А напарник считается братом.
Просыпаемся на виражах,

На том свете почти, правым скатом.

На колесах наш дом, стол и кров за рулем
Это надо учитывать в сметах.
Мы друг с другом расчеты ведем
Общим сном в придорожных кюветах.

Земля нам пухом, когда на ней лежим,
Полдня под брюхом что-то ворожим.
Мы не шагаем по росе
Все наши оси, тонны все
В дугу сгибают мокрое шоссе.

Обгоняет нас вся мелкота, и слегка
Нам обгоны, конечно, обидны.
Но мы смотрим на них свысока,
А иначе нельзя из кабины.

Чехарда дней, ночей, то лучей, то теней...
Но в ночные часы перехода
Перед нами стоит без сигнальных огней
Шоферская лихая свобода.

Сиди и грейся, болтает, как в седле,
Без дальних рейсов нет жизни на земле.
Кто на себе поставил крест,
Кто сел за руль, как под арест,
Тот не способен на дальний рейс.

Дорожная история

Я вышел ростом и лицом
(Спасибо матери с отцом),
С людьми в ладу – не понукал, не помыкал,
Спины не гнул – прямым ходил,
И в ус не дул, и жил, как жил,
И голове своей руками помогал.

Дорога, а в дороге «МАЗ»,
Который по уши увяз.
В кабине тьма, напарник третий час молчит.
Хоть бы кричал, аж зло берет:
Назад 500, вперед 500,
А он зубами «Танец с саблями» стучит.

Мы оба знали про маршрут,
Что этот «МАЗ» на стройке ждут,
А наше дело – сел, поехал – ночь, полночь!
И надо ж так – под Новый год,
Назад 500, вперед 500,
Сигналим зря, пурга, и некому помочь.

«Глуши мотор, – он говорит,
Пусть этот «МАЗ» огнем горит!
Мол, видишь сам, что больше нечего ловить,
Куда не глянь – кругом 500,
И к ночи, точно, занесет,
Так заровняет, что не надо хоронить!»

«Я отвечаю: «Не канючь!»
А он за гаечный за ключ
И волком смотрит, он вообще бывает крут.
А что ему – кругом 500,
И кто кого переживет,
Тот и докажет, что был прав, когда припрут.

Он был мне больше чем родня,
Он ел с ладони у меня.
А тут глядит в глаза, и холод по спине.
А что ему – кругом 500,
И кто там после разберет,
Что он забыл, кто я ему и кто он мне.

И он ушел куда-то вбок.
Я отпустил, а сам прилег,
Мне снился сон про наш веселый оборот:
Что будто вновь кругом 500,
Ищу я выход из ворот,
Но нет его, есть только вход, и то не тот.

Конец простой – пришел тягач,
И там был трос, и там был врач,
И «МАЗ» попал, куда положено ему,
И он пришел – трясется весь,
А тут опять далекий рейс...
Я зла не помню, я опять его возьму.

Черное золото

Не космос – метры грунта надо мною!
Здесь в шахте не до праздничных процессий.
Но мы владеем тоже внеземной
И самую земную из профессий.
Любой из нас – ну, чем не чародей?!
Из преисподней наверх уголь мечем.
Мы топливо отнимем у чертей
Свои котлы топить им будет нечем!

Взорвано, уложено, сколото
Черное надежное золото.

Да, сами мы, как дьяволы, в пыли.

Зато наш поезд не уйдет порожним.
Терзаем чрево матушки-земли,
Но на земле теплее и надежней.
Вот вагонетки, душу веселя,
Прносятся, как в фильме о погонях.
И шуточку: «Даешь стране угля!»
Мы чувствуем на собственных ладонях.

Взорвано, уложено, сколото
Черное надежное золото.

Воронками изрытые поля
Не позабудь – и оглянись во гневе!
Но нас, благословенная земля,
Прости за то, что роемся во чреве.
Не бойся заблудиться в темноте
И захлебнуться пылью – не один ты!
Вперед и вглубь! Мы будем на щите!
Мы сами рыли эти лабиринты.

Взорвано, уложено, сколото
Черное надежное золото.

«Наш Федя с детства связан был с землею...»

Наш Федя с детства связан был с землею,
Домой таскал и щебень и гранит.
Однажды он домой принес такое,
Что мама с папой плакали навзрыд.

Студентом Федя очень был настроен
Поднять археологию на щит,
Он в институт притаскивал такое,
Что мы кругом все плакали навзрыд.

Привез он как-то с практики
Два ржавых экспонатика
И утверждал, что это древний клад.
Потом однажды в эллипсе
Нашел вставные челюсти
Размером с самогонный аппарат.

Диплом писал про древние святыни,
О Скифах, о языческих богах,
При этом так ругался по-латыни,
Что Скифы эти корчились в гробах.

Он древние строения
Искал с остервенением
И часто диким голосом кричал,
Что есть еще тропа пока,

Где встретишь питекантропа,
И в грудь себя при этом ударял.

Он жизнь решил закончить холостую
И стал бороться за семейный быт.
Я, говорил, жену найду такую
От зависти заплачете навзрыд.

Он все углы облазил
В Европе был и в Азии,
И вскоре раскопал свой идеал,
Но идеал связать не мог
В археологии двух строк,
И Федя его снова закопал.

Тюменская нефть

Один чужак из партии геологов
Сказал мне, вылив грязь из сапога:
«Послал же бог на головы нам олухов!
Откуда нефть, когда кругом тайга?!

Сколько денег – в прорву!.. Лучше бы на тыщи те
Построить детский сад не берегу!
Вы ничего в Тюмени не отыщете,
В болото вы вгоняете деньгу!»

И шлю депеши в центр из Тюмени я:
«Дела идут, все боле-менее!
Мол, роём землю, но пока у многих мнение,
Что меньше «более» у вас, а больше «менее».

А мой рюкзак
Пустой на треть,
А с нефтью как?
– Да будет нефть!

Давно прошли открытий эпидемии,
И с лихорадкой поисков – борьба.
И дали заключение в академии:
«В Тюмени с нефтью – полная труба!»

Нет бога нефти здесь – перекочую я.
Раз бога нет, то нет и короля.
Но только вот нутром и носом чую я,
Что подо мной не мертвая земля.

И шлю депеши в центр из Тюмени я:
«Дела идут, все боле-менее».
Мне отвечают, что у них сложилось мнение,
Что меньше «более» у нас, а больше «менее».

Пустой рюкзак
Доели снедь.
А с нефтью как?
– Да будет нефть!

И нефть пошла, мы, по болотам рыская,
Не на пол-литра выиграли спор!
Тюмень, Сибирь, земля Хантымансийская
Сквозила нефтью из открытых пор.

Моряк, с которым столько переругано,
Не помню уж, с какого корабля,
Все перепутал и кричал испуганно:
«Земля! глядите, братики, земля!»

И шлю депеши в центр из Тюмени я:
«Дела идут, все боле-менее».
Мне не поверили, и оставалось мнение,
Что меньше «более» у нас, а больше «менее».

Но подан знак:
«Бурите здесь!»
А с нефтью как?
– Да будет нефть!

И бил фонтан и рассыпался искрами.
При свете их я бога увидал,
По пояс голый, он с двумя канистрами
Холодный душ из нефти принимал.

И ожила земля, и помню ночью я
На той земле танцующих людей.
Я счастлив, что, превысив полномочия,
Мы взяли риск и вскрыли вены ей.

И шлю депеши в центр из Тюмени я:
«Дела идут, все боле-менее».
Что прочь сомнения, что есть месторождение,
Что больше «более» у нас и меньше «менее».

Так я узнал:
Бог нефти есть,
И он сказал:
«Да будет нефть!»

Депешами не простучался в двери я,
А вот канистры в цель попали, в цвет.
Одну принес под двери недоверия,
Другую внес в высокий кабинет.

Я доложил про смену положения:

Отрекся сам владыка тьмы и тли,
Вчера я лично принял отречение
И вышел в нефтяные короли!

Песня о морях

Лошадей двадцать тысяч в машины зажаты,
И хрипят табуны, стервенея, внизу.
На глазах от натуги худеют канаты,
Из себя на причал выжимая слезу.

И команды короткие, злые
Зимний ветер уносит во тьму:
«Концы за борт!», «Отдать носовые!»
И «Буксир, подработать корму!»

Капитан, чуть улыбаясь,
Все, мол, верно, молодцы,
От земли освобождаясь,
Приказал рубить концы.

Только снова назад обращаются взоры,
Крепко держит земля, все и так, и не так.
Почему слишком долго не сходятся створы,
Почему слишком часто моргает маяк?

Все в порядке, конец всем вопросам,
Кроме вахтенных, всем отдыхать.
Но пустуют каюты – матросам
К той свободе еще привыкать.

Капитан, чуть улыбаясь,
Молвил только: «молодцы!»
От земли освобождаясь,
Нелегко рубить концы.

Переход двадцать дней, рассыхаются шлюпки,
Нынче утром последний отстал альбатрос.
Хоть бы шторм! Или лучше, чтоб в радиорубке
Обалдевший радист принял чей-нибудь SOS.

Так и есть: Трое – месяц в корыте,
Яхту вдребезги кит разобрал.
Да за что вы нас благодарите?
Вам спасибо за этот аврал.

Капитан, чуть улыбаясь,
Бросил только: «Молодцы»,
Тем, кто, с жизнью расставаясь,
Не хотел рубить концы.

И опять будут Фиджи, и порт Кюрасао,
И еще черти в ступе, и бог знает что,
И красивейший в мире
Фиорд Мильфорсаун,
Тот, куда я ногой не ступал, но зато
Пришвартуетесь вы на Таити
И прокрутите песню мою,
Через самый большой усилитель
Я про вас на Таити спою.

Скажет мастер, улыбаясь,
Мне и песне: «Молодцы!»
Так, на суше оставаясь,
Я везде креплю концы.

И опять продвигается, словно на ринге,
По воде одинокая тень корабля.
В напряженьи матросы, ослаблены шпринги,
«Руль полборта налево!» – и в прошлом земля.

Затяжной прыжок

Хорошо, что за ревом не слышалось звука,
Что с позором своим был один на один...
Я замешкался возле открытого люка
И забыл пристегнуть карабин.

Мне инструктор помог – и коленкой пинок
Перейти этой слабости грань.
За обычное наше «Смелее, сынок!»
Принял я его сонную брань.

И оборвали крик мой, и обожгли мне щеки
Холодной острой бритвой восходящие потоки.
И звук обратно в печень мне вогнали вновь на вдохе
Веселые, беспечные воздушные потоки.

Я попал к ним в умелые, цепкие руки.
Мнут, швыряют меня, что хотят, то творят.
И с готовностью я сумасшедшие трюки
Выполняю, шутя, все подряд.

Есть ли в этом паденьи какой-то резон,
Я узнаю потом, а пока
То валился в лицо мне земной горизонт,
То шарахались вниз облака.

И оборвали крик мой, и выбривали щеки
Холодной острой бритвой восходящие потоки.
И кровь вгоняли в печень мне, упруги и жестоки,
Невидимые встречные воздушные потоки.

Беспримерный прыжок из глубин стратосферы.
По сигналу «Пошел!» я шагнул в некуда.
За невидимой тенью безликой химеры,
За свободным паденьем, айда!

Я пробьюсь сквозь воздушную ватную тьму,
Хоть условия паденья не те,
Даже падать свободно нельзя, потому
Что мы падаем не в пустоте.

И обрывают крик мой, и выбривали щеки
Холодной острой бритвой восходящие потоки.
На мне мешки заплечные, встречаю, руки в боки,
Прямые, безупречные воздушные потоки.

Ветер в уши сочится и шепчет скабрзно:
«Не тяни за кольцо, скоро легкость придет!»
До земли триста метров, сейчас будет поздно...
Ветер врет, обязательно врет.

Стропы рвут меня вверх, выстрел купола... стоп!
И как не было этих минут.
Нет свободных падений с высот, но зато
Есть свобода раскрыть парашют.

И обрывают крик мой, и выбривали щеки,
У горла старой бритвой уже снуют потоки.
И жгут костры, как свечи мне, в приземлился в шоке,
Бездушные и вечные воздушные потоки.

И рванул я кольцо на одном вдохновеньи,
Как рубаху от ворота или чеку.
Это было в случайном, свободном паденьи
Восемнадцать недолгих секунд.

А теперь некрасив я, горбат с двух сторон,
В каждом горбе спасительный шелк.
Я на цель устремлен, и влюблен я, влюблен
В затажной, неслучайный прыжок.

Мне охлаждают щеки и открывают веки.
Исполнены потоки забот о человеке.
Глазею ввысь печально я, там звезды одиноки,
И пью горизонтальные воздушные потоки.

Холода⁴⁰

Холода, холода...

⁴⁰ Из кинофильма «Я родом из детства».

От насиженных мест
Нас другие зовут города,
Будь то Минск, будь то Брест...
Холода, холода...

Неспроста, неспроста
От родных тополей
Нас суровые манят места,
Будто там веселей.
Неспроста, неспроста...

Как нас дома ни грей,
Не хватает всегда
Новых встреч нам и новых друзей,
Будто с нами беда,
Будто с нами теплой.

Как бы ни было нам
Хорошо иногда,
Возвращаемся мы по домам.
Где же наша звезда?
Может, здесь... может, там...

«Кто старше нас на четверть века...»

Кто старше нас на четверть века, тот
Уже увидел близости и дали.
Им повезло – и кровь, и дым, и пот
Они понюхали, хлебнули, повидали.

И ехали в теплушках, не в тепле,
На стройки, на фронты и на рабфаки.
Они ходили в люди по земле
И в штыковые жесткие атаки.

Но время эшелонное прошло.
В плацкартах едем, травим анекдоты.
Мы не ходили – шашки наголо,
В отчаянье не падали на ДОТы.

И все-таки традиция живет,
Взяты не все вершины и преграды.
Не потому ли летом каждый год
Идем в студенческие наши стройотряды.

Песок в глазах, в одежде и в зубах.
Мы против ветра держим путь на тракте,
На дивногорских каменных столбах
Хребты себе ломаем и характер.

Мы гнемся в три погибели, ну что ж,

Такой уж ветер. Только, друг, ты знаешь,
Зато ничем нас после не согнешь,
Зато нас на равнине не сломаешь.

Канатоходец

Он не вышел ни званьем, ни ростом.
Не за славу, не за плату,
На свой необычный манер,
Он по жизни шагал над помостом
По канату, по канату,
Натянutoму, как нерв!

Посмотрите! Вот он без страховки идет!
Чуть правее наклон – упадет. Пропадет!
Чуть левее наклон – все равно не спасти!
Но зачем-то ему очень нужно пройти
Четыре четверти пути!

И лучи его с шага сбивали,
И кололи, словно лавры,
Труба надрывалась, как две.
Крики «Браво!» его оглушали,
И литавры, а литавры
Как обухом по голове!

Посмотрите! Вот он без страховки идет!
Чуть левее наклон – упадет. Пропадет!
Чуть правее наклон – все равно не спасти!
Но спокойно. Ему остается пройти
Уже три четверти пути!

Ах! Как жутко... Как смело. Как мило!
Бой со смертью три минуты!
Раскрыв в ожидании рты,
Из партера глядели уныло...
«Лилипуты, лилипуты!» –
Казалось ему с высоты.

Посмотрите! Вот он без страховки идет!
Чуть правее наклон – упадет. Пропадет!
Чуть левее наклон – все равно не спасти!
Но спокойно. Ему остается пройти
Всего две четверти пути!

Он смеялся над славою брэнной,
Но хотел быть только первым.
Такого попробуй угробь!
Не по проволоке над ареной,
А по нервам, по нервам, по нервам
Он шел под барабанную дробь!

Посмотрите! Вот он без страховки идет!
Чуть левее наклон – упадет. Пропадет!
Чуть правее наклон – все равно не спасти!
Но – замрите! Ему остается пройти
Не больше четверти пути!

Закричал дрессировщик. И звери
Клали лапы на носилки...
Но прост приговор и суров:
Он уверен был или растерян –
Но в опилки, но в опилки
Он пролил досаду и кровь!

И сегодня другой по канату идет.
Тонкий шнур под ногой. Упадет, пропадет.
Вправо, влево наклон – все равно не спасти...
Но зачем-то ему тоже нужно пройти
Четыре четверти пути!

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ

Белое безмолвие⁴¹

Все года и века и эпохи подряд
Все стремится к теплу от морозов и вьюг.
Почему ж эти птицы на север летят,
Если птицам положено только на юг?

Слава им не нужна и величие.
Вот под крыльями кончился лед,
И найдут они счастье птичье,
Как награду за дерзкий полет.

Что же нам не жилось, что же нам не спалось?
Что нас выгнало в путь по высокой волне?
Нам сиянье пока наблюдать не пришлось,
Это редко бывает, сиянья – в цене.

Тишина. Только чайки – как молнии.
Пустотой мы их кормим из рук.
Но наградою нам за безмолвие
Обязательно будет звук.

Как давно снятся нам только белые сны,
Все иные оттенки снега замели.
Мы ослепли давно от такой белизны.
Но созреем от черной полоски земли.

⁴¹ Из кинофильма «72° ниже нуля».

Наше горло отпустит молчание.
Наша слабость растает, как тень.
И наградой за ночи отчаянья
Будет вечный полярный день.

Север. Воля. Надежда. Страна без границ.
Снег без грязи, как долгая жизнь без вранья.
Воронье нам не выключает глаз из глазниц,
Потому что не водится здесь воронья.

Кто не верил в дурные пророчества,
В снег не лег ни на миг отдохнуть,
Тем в награду за одиночество
Должен встретиться кто-нибудь.

Дальний Восток

Долго же шел ты, в конверте листок,
Вышли последние сроки.
Но потому он и Дальний Восток,
Что далеко на востоке.

Ждешь с нетерпением ответ ты,
Весточку в несколько слов.
Мы здесь встречаем рассветы
Раньше на восемь часов⁴².

Здесь до утра пароходы ревут
Средь океанской шумихи.
Не потому его тихим зовут,
Что он действительно тихий.

Ты не пугайся рассказов о том,
Будто здесь самый край света.
Рядом еще Сахалин, а потом –
Круглая наша планета.

Что говорить, здесь, конечно, не рай,
Но невмоготу переписка,
Знаешь мол... милая, ты приезжай,
Дальний Восток – это близко.

Скоро получишь ответ ты
Весточку в несколько слов.
Вместе мы встретим рассветы
Раньше на восемь часов.

⁴² Рефрен «Ждешь с нетерпением ответа ты...» повторяется после каждой строфы, за исключением последней.

Лирическая⁴³

Здесь лапы у елей дрожат на весу,
Здесь птицы щебечут тревожно.
Живешь в заколдованном диком лесу,
Откуда уйти невозможно.

Пусть черемуха сохнет бельем на ветру,
Пусть дождем опадают сирени.
Все равно я отсюда тебя заберу
Во дворец, где играют свирели.

Твой мир колдунами на тысячи лет
Укрыт от меня и от света.
И думаешь ты, что прекраснее нет,
Чем лес заколдованный этот.

Пусть на листьях не будет росы поутру,
Пусть луна с небом пасмурным в ссоре.
Все равно я отсюда тебя заберу
В светлый терем с балконом на море.

В какой день недели, в котором часу
Ты выйдешь ко мне осторожно?
Когда я тебя на руках унесу
Туда, где найти невозможно?

Украду, если кража тебе по душе.
Зря ли я столько сил разбазарил?
Соглашайся хотя бы на рай в шалаше,
Если терем с дворцом кто-то занял.

«День-деньской я с тобой, за тобой...»

День-деньской я с тобой, за тобой,
Будто только одна забота,
Будто выследил главное что-то,
То, что снимет тоску как рукой.

Это глупо – ведь кто я такой?
Ждать меня – никакого резона,
Тебе нежен другой и покой,
А со мной – беспокойно, бессонно.

Сколько лет ходу нет – в чем секрет?!
Может, я невезучий? Не знаю!
Как бродяга, гуляю по маю,
И прохода мне нет от примет.

⁴³ Из спектакля «Свой остров».

Может быть, наложили запрет?
Я на каждом шагу спотыкаюсь:
Видно, сколько шагов – сколько бед.
Вот узнаю, в чем дело, – покаюсь.

«Запомню, запомню, запомню тот вечер...»

Запомню, запомню, запомню тот вечер,
И встречу с любимой, и праздничный стол.
Сегодня я сам самый главный диспетчер,
И стрелки сегодня я сам перевел.

И пусть отправляю я поезд в пустыню,
Где только барханы в горячих лучах,
Мои поезда не вернутся пустыми,
Пока мой оазис совсем не зачах.

И вновь отправляю я поезд по миру,
Я рук не ломаю, навзрыд не кричу.
И мне не навяжут чужих пассажиров
Сажаю в свой поезд кого захочу.

«Она была чиста, как снег зимой...»

Она была чиста, как снег зимой.
В грязь соболя! Иди по ним по праву.
Но вот мне руки жжет ее письмо,
Я узнаю мучительную правду.

Не ведал я: страдания – только маска,
И маскарад закончился сейчас.
На этот раз я потерпел фиаско,
Но я надеюсь, что в последний раз.

Подумал я: дни сочтены мои,
Дурная кровь в мои проникла вены.
Я сжал письмо, как голову змеи,
Сквозь пальцы просочился яд измены.

Не ведать мне страданий и агоний,
Мне встречный ветер слезы оботрет,
Моих коней обида не нагонит,
Моих следов метель не заметет.

Итак, я оставляю позади
Под этим серым неприглядным небом
Дурман фиалок, наготу гвоздик
И слезы вперемешку с талым снегом.

Она была в Париже

Наверно, я погиб, глаза закрою – вижу.
Наверно, я погиб, робею, и потом,
Куда мне до нее, она была в Париже,
И я вчера узнал: не только в нем одном.

Какие песни пел я ей про север дальний!
Я думал: вот чуть-чуть – и будем мы на «ты»,
Но я напрасно пел о полосе нейтральной,
Ей глубоко плевать, какие там цветы.

Я спел тогда еще, я думал, это ближе,
Про счетчик, про того, кто раньше с нею был,
Но что ей до меня, она была в Париже,
Ей сам Марсель Марсо чего-то говорил.

Я бросил свой завод, хоть, в общем, был не вправе,
Засел за словари на совесть и на страх,
Но что ей до меня? Она уже в Варшаве,
Мы снова говорим на разных языках.

Приедет, я скажу по-польски: «Проше, пани,
Прими таким, как есть, не буду больше петь...»
Но что ей до меня, она уже в Иране,
Я понял: мне за ней, конечно, не успеть.

Ведь она сегодня здесь, а завтра будет в Осле...
Да, я попал впросак, да, я попал в беду.
Кто раньше с нею был и тот, кто будет после,
Пусть пробуют они, я лучше пережду.

В душе моей

Мне каждый вечер зажигает свечи
И образ твой окуривает дым...
Но не хочу я знать, что время лечит,
Что все проходит вместе с ним.

Теперь я не избавлюсь от покоя,
Ведь все, что было на душе на год вперед,
Не ведая, взяла она с собою
Сначала в порт, потом – на пароход...

Душа моя – пустынная пустыня.
Так что ж стоите над пустой моей душой?
Обрывки песен там и паутина.
Все остальное увезла с собой.

Теперь в душе все цели без дороги,
Поройтесь в ней – и вы найдете лишь

Две полуфразы, полудиалоги,
Все остальные – Франция, Париж.

Мне каждый вечер зажигает свечи,
И образ твой окуривает дым...
Но не хочу я знать, что время лечит.
Оно не исцеляет, а калечит,
Ведь все проходит вместе с ним.

«Люблю тебя сейчас...»

Люблю тебя сейчас
Не тайно – напоказ.
Не «после» и не «до» в лучах твоих сгораю.
Навзрыд или смеясь,
Но я люблю сейчас,
А в прошлом – не хочу, а в будущем – не знаю.

В прошедшем «я любил»
Печальнее могил.
Все нежное во мне бескрылит и стреножит,
Хотя поэт поэтов говорил:
– Я Вас любил, любовь еще, быть может...

Так говорят о брошенном, отцветшем
И в этом жалость есть и снисходительность,
Как к свергнутому с трона королю.
Есть в этом сожаленье об ушедшем,
Стремленье, где утеряна стремительность,
И как бы недоверье к «я люблю».

Люблю тебя теперь
Без обещаний: «верь!»
Мой век стоит сейчас – я вен не перережу!
Во время – в продолжении «теперь»
И прошлым не дышу и будущим не грежу.

Приду и вброд и вплавь
К тебе – хоть обезглавь!
С цепями на ногах и с гирями по пуду.
Ты только по ошибке не заставь,
Чтоб после «я люблю» добавил я и «буду».

Есть в этом «буду» горечь, как ни странно,
Подделанная подпись, червоточина
И лаз для отступления в запас,
Бесцветный яд на самом дне стакана
И, словно настоящему пощечина,
Сомненье в том, что я люблю сейчас.

Смотрю французский сон

С обилием времен,
Где в будущем – не так и в прошлом – по-другому.
К позорному столбу я пригвозден,
К барьеру вызван я языковому.

Ах, – разность в языках!
Не положение – крах!
Но выход мы вдвоем поищем и обрящем.
Люблю тебя и в сложных временах,
И в будущем, и в прошлом настоящем!

Баллада о любви

Когда вода всемирного потопа
Вернулась вновь в границы берегов,
Из пены уходящего потока
На сушу тихо выбралась любовь
И растворилась в воздухе до срока,
А срока было сорок сороков.

И чудачки – еще такие есть
Вдыхают полной грудью эту смесь,
И ни наград не ждут, ни наказанья,
И, думая, что дышат просто так,
Они внезапно попадают в такт
Такого же неровного дыханья...

Только чувству, словно кораблю,
Долго оставаться на плаву,
Прежде чем узнать, что «я люблю»,
То же, что дышу или живу!

И вдоволь будут странствий и скитаний,
Страна любви – великая страна!
И с рыцарей своих для испытаний
Все строже станет спрашивать она,
Потребуется разлук и расстояний,
Лишит покоя, отдыха и сна...

Но вспять безумцев не поворотить,
Они уже согласны заплатить
Любой ценой – и жизнью бы рискнули,
Чтобы не дать порвать, чтоб сохранить
Волшебную невидимую нить,
Которую меж ними протянули...

Свежий ветер избранных пьянил,
С ног сбивал, из мертвых воскрешал,
Потому что, если не любил,
Значит, и не жил, и не дышал!

Но многих, захлебнувшихся любовью,
Не докричишься, сколько не зови...
Им счет ведут молва и пустословье,
Но этот счет замешан на крови...
Давай поставим свечи в изголовье
Погибшим от невиданной любви...

Их голосам дано сливаться в такт,
И душам их дано бродить в цветах,
И вечностью дышать в одно дыханье,
И встретиться со вздохом на устах
На хрупких переправах и мостах,
На узких перекрестках мироздания...

Я поля влюбленным постелю,
Пусть поют во сне и наяву!
Я дышу – и, значит, я люблю!
Я люблю – и, значит, я живу!

БЕГ ИНОХОДЦА

Что случилось в Африке⁴⁴

В желтой жаркой Африке,
В центральной ее части,
Как-то вдруг вне графика
Случилось несчастье.
Слон сказал, не разобрав:
«Видно, быть потопу...»
В общем, так: один жираф
Влюбился в антилопу.

Тут поднялся галдеж и лай,
И только старый попугай
Громко крикнул из ветвей:
«Жираф большой, ему видней!»⁴⁵

«Что же что рога у ней,
Кричал жираф любовно,
Нынче в нашей фауне
Равны все поголовно.
Если вся моя родня
Будет ей не рада,
Не пеняйте на меня,
Я уйду из стада».

⁴⁴ Оттуда же.

⁴⁵ Рефрен «Тут поднялся галдеж и лай...» повторяется после каждой строфы, за исключением последней.

Папе антилопьему
Зачем такого сына.
Все равно, что в лоб ему,
Что по лбу – все едино.
И жирафов зять брюзжит:
«Видали остолопа!»
И ушли к бизонам жить
С жирафом антилопа.

В желтой жаркой Африке
Не видать идиллий.
Льют жираф с жирафихой
Слезы крокодилы.
Только горю не помочь –
Нет теперь закона.
У жирафа вышла дочь
Замуж за бизона.

Пусть жираф был не прав,
Но виновен не жираф,
А тот, кто крикнул из ветвей:
«Жираф большой, ему видней!»

Песня про мангустов

– Змеи, змеи кругом – будь им пусто,
Человек в исступленьи кричал
И позвал на подмогу мангуста,
Чтобы, значит, мангуст выручал,

И мангусты взяли за работу.
Не щадя ни себя, ни родных,
Выходили они на охоту
Без отгулов и без выходных.

И в пустынях, степях и в пампасах
Даже дали наказ патрулям
Игнорировать змей безопасных
И сводить ядовитых к нулям.

Приготовьтесь, сейчас будет грустно,
Человек появился тайком
И поставил силки на мангуста,
Объявив его вредным зверьком.

Он наутро пришел, с ним собака,
И мангуста запрятал в мешок,
А мангуст отбивался, и плакал,
И кричал: я полезный зверек!

Но мангустов в порезах и ранах

Все швыряли в мешок, как грибы,
Одуревших от боли в капканах,
Ну, и от поворота судьбы.

И гадали они: в чем же дело,
Отчего нас несут на убой?
И сказал им мангуст престарелый
С перебитой передней ногой:

«Козы в Бельгии съели капусту,
Воробьи рис в Китае с полей,
А в Австралии злые мангусты
Истребили полезнейших змей!»

Это вовсе не дивное диво
Раньше были полезны, и вдруг...
Оказалось, что слишком ретиво
Истребляли мангусты гадюк!

Вот за это им вышла награда
От расчетливых умных людей.
Видно, люди не могут без яда,
Ну, а значит, не могут без змей.

– Змеи, змеи кругом – будь им пусто,
Человек в испуге кричал,
Снова звал на подмогу мангуста,
Чтобы, значит, мангуст выручал...

Баллада о коротком счастье⁴⁶

Трубят рога: «Скорей, скорей!»
И копошится свита.
Душа у ловчих без затей
Из жил воловьих свита.
Ну и забава у людей:
Убить двух белых лебедей!

И соколы помчались...
У лучников наметан глаз...
А эти лебеди как раз
Сегодня повстречались.

Она жила под солнцем – там,
Где синих звезд без счета,
Куда под силу лебедям
Высокого полета.
Вспари, едва крыла раскинь
В густую трепетную синь.

⁴⁶ Написана для кинофильма «Стрелы Робин Гуда».

Скользи по божьим склонам
В такую высь, куда и впредь
Возможно будет залететь
Лишь ангелам и стонам.

Но он и там ее настиг
И счастлив миг единый.
Но только был тот яркий миг
Их песней лебединой.

Крылатым ангелам сродни,
К земле направились они,
Опасная повадка.
Из-за кустов, известно всем,
Следят охотники за тем,
Чтоб счастье было кратко.

Вот отирают пот со лба
Виновники паденья:
Сбылась последняя мольба –
Остановись, мгновенье!

Так пелся этот вечный стих,
В пик лебединой песни их,
Счастливец одночасья.
Они упали вниз вдвоем,
Так и оставшись на седьмом,
На высшем небе счастья.

Погоня⁴⁷

Во хмелю слегка
Лесом правил я.
Не устал пока,
Пел за здравие.
И умел я петь
Песни вздорные:
«Как любил я вас,
Очи черные...»

То плелась, то неслась,
То трусили рысцой,
И болотную слизь
Конь швырял мне в лицо.
Только я проглочу
Вместе с грязью слюну,
Штофу горло скручу
И опять затяну:

⁴⁷ Из кинофильма «Единственная».

«Очи черные,
Как любил я вас...»
Но прикончил я
То, что впрок припас.
Головой тряхнул,
Чтоб слетела блажь,
И вокруг взглянул,
И присвистнул аж.

Лес стеной впереди – не пускает стена,
Кони прядут ушами, назад подают...
Где просвет, где прогал – не видать ни рожна.
Колют иглы меня, до костей достают.

Коренной ты мой,
Выручай же, брат!
Ты куда, родной,
Почему назад?!
Дождь – как яд с ветвей
Не добром пропах.
Пристяжной моей
Волк нырнул под пах.

Вот же пьяный дурак, вот же налил глаза.
Ведь погибель пришла, и бежать не суметь.
Из колоды моей утащили туза,
Да такого туза, без которого смерть.

Я ору волкам:
«Побери вас прах!..»
А коней пока
Подгоняет страх.
Шевелю кнутом,
Бью крученые,
И ору причем:
«Очи черные...»

Храп, да топот, да лязг,
Да лихой перепляс –
Бубенцы плясовую играют с дуги.
Ох вы, кони мои, загублю же я вас,
Выносите, друзья, выносите, враги!

...От погони той
Вовсе хмель иссяк,
Мы на кряж крутой
На одних осях,
В хлопьях пены мы,
Струи в кряж лились,
Отдышались, отхрипели
Да откашлялись.

Я лошадам забитым,
Что не подвели,
Поклонился в копыта
До самой земли,
Сбросил с воза манатки,
Повел в поводу...
Спаси бог вас, лошадки,
Что целым иду.

«Мы древние, испытанные кони»⁴⁸

Мы древние, испытанные кони.
Победоносцы ездили на нас,
И не один великий богомаз
Нам золотил копыта на иконе.

И рыцарь-пес и рыцарь благородный
Хребты нам гнули тяжестью лат.
Один из наших, самый сумасбродный,
Однажды ввез Калигулу в сенат.

Бег иноходца

Я скачу, но я скачу иначе,
По камням, по лужам, по росе.
Говорят: он иноходью скачет,
Это значит – иначе, чем все.

Но наездник мой всегда на мне,
Стременами лупит мне под дых.
Я согласен бегать в табуне,
Но не под седлом и без узды.

Если не свободен нож от ножен,
Он опасен меньше, чем игла.
Вот и я оседлан и стреножен,
Рот мой разрывают удила.

Мне набили раны на спине,
Я дрожу боками у воды.
Я согласен бегать в табуне
Но не под седлом и без узды.

Мне сегодня предстоит бороться.
Скачки. Я сегодня фаворит.
Знаю, ставят все на иноходца,

⁴⁸ Стихотворение представляло собой начало задуманной автором поэмы о конях. К сожалению, своего замысла поэт осуществить не успел.

Но не я – жокей на мне хрипит.

Он вонзает шпоры в ребра мне,
Зубоскалят первые ряды.
Ох, как я бы бегал в табуне...
Там не под седлом и без узды.

Пляшут, пляшут скакуны на старте,
Друг на друга злобу затая,
В исступленье, в бешенстве, в азарте,
И роняют пену, как и я.

Мой наездник у трибун в цене,
Крупный мастер верховой езды.
Ой, как я бы бегал в табуне,
Но не под седлом и без узды.

Нет, не будут золотыми горы,
Я последним цель пересеку.
Я ему припомню эти шпоры,
Засбою, отстану на скаку.

Колокол!.. Жокей мой на коне,
Он смеется в предвкушение мзды.
Ох, как я бы бегал в табуне,
Но не под седлом и без узды.

Что со мной, что делаю, как смею?!
Потакаю своему врагу.
Я собою просто не владею,
Я прийти не первым не могу!

Что же делать остается мне?
Вышвырнуть жокея своего
И бежать, как будто в табуне.
Под седлом, в узде, но без него.

Я пришел, а он в хвосте плетется,
По камням, по лужам, по росе...
Я впервые не был иноходцем,
Я стремился выиграть, как все.

Козел отпущения

В заповеднике, вот в каком – забыл,
Жил да был козел рога длинные.
Хоть с волками жил не по-волчьи выл,
Блеял песенки все козлиные.

И пощипывал он травку, и нагуливал бока.
Не услышишь от него дурного слова.

Толку было с него, правда, как с козла – молока,
Но вреда, однако, тоже никакого.

Жил на выпасе он возле озера,
Не вторгаясь в чужие владения,
Но заметили скромного козлика
И избрали в козлы отпущения.

Например, медведь, баламут и плут
Обхамит кого по-медвежьему,
Враз козла найдут, приведут и бьют
По рогам ему и промеж ему.

Не противился он, серенький, насилью со злом,
А сносил побои весело и гордо.
Сам медведь сказал: «Ребята, я горжусь козлом,
Героическая личность козья морда!»

Берегли козла, как наследника.
Вышло даже в лесу запрещение
С территории заповедника
Отпускать козла отпущения.

А козел себе все скакал козлом,
Но пошаливал втихомолочку
Как-то бороду завязал узлом,
Из кустов назвал волка сволочью.

А когда очередное отпущенье получал
(Все за то, что волки лишку откусили),
Он как-будто бы случайно по-медвежьки зарычал,
Но внимания тогда не обратили.

Пока хищники меж собою дрались,
В заповеднике крепло мнение,
Что дороже всех медведей и лис
Дорогой козел отпущения.

Ускакал козел да и стал таков.
«Эй вы, бурые, – кричит, светло-пегие!
Отниму у вас рацион волков
И медвежие привилегии.

Покажу вам козью морду настоящую в лесу,
Распишу туды-сюды по трафарету.
Всех на роги намотаю, всех по кочкам разнесу,
Всех ославлю по всему я белу свету.

Не один из вас будет землю жрать,
Все подохните без прощенья.
Отпускать грехи кому – мне решать,
Это я – козел отпущения».

В заповеднике, вот в каком – забыл,
Правит бал козел не по-прежнему.
Он с волками жил и по-волчьи взвыл,
И рычит теперь по-медвежьему.

А козлятушки-ребятушки засучили рукава
И пошли шерстить волчишек в пух и клочья.
А чего теперь стесняться, если их глава
От лесного льва имеет полномочия.

Ощутил вдруг он остроту рогов
И козлиное вдохновение.
Росомах и лис, медведей, волков
Превратил в козлов отпущения.

Баллада о волчьей гибели

Словно бритва рассвет полоснул по глазам,
Отворились курки, как волшебный Сезам,
Появились стрелки, на помине легки.
И взлетели стрекозы с протухшей реки
И потеха пошла в две руки.

Мы легли на живот и убрали клыки.
Даже тот, даже тот, кто нырял под флажки,
Чуял волчьи ямы подушками лап,
Тот, кого даже пуля догнать не могла б,
Тоже в страхе взопрел, и прилег, и ослаб.

Чтобы жизнь улыбалась волкам – не слышал.
Зря мы любим ее, однолюбы.
Вот у смерти – красивый широкий оскал
И здоровые, крепкие зубы.

Улыбнемся же волчьей улыбкой врагу,
Псам еще не намылены холки.
Но – на татуированном кровью снегу
Наша роспись: мы больше не волки!

Мы ползли, по-собачьи хвосты подобрал,
К небесам удивленные морды задрал:
Либо с неба возмездье на нас пролилось,
Либо свету конец и в мозгах перекося...
Только били нас в рост из железных стрекоз.

Кровью вымокли мы под свинцовым дождем
И смирились, решив: все равно не уйдем!
Животами горячими плавили снег.
Эту бойню затеял – не бог – человек!
Улетающих – влет, убегающих – в бег...

Свора псов, ты за стаей моей не вяжись,
В равной сваре за нами удача. Волки мы!
Хороша наша волчья жизнь.
Вы – собаки, и смерть вам – собачья.

Улыбнемся же волчьей ухмылкой врагу,
Чтобы в корне пресечь кривотолки.
Но – на татуированном кровью снегу
Наша роспись: мы больше не волки!

К лесу! Там хоть немногих из вас сберегу,
К лесу, волки! Труднее убить на бегу!
Уносите же ноги! Спасайте щенков.
Я мечусь на глазах полупьяных стрелков
И скликаю заблудшие души волков.

Те, кто жив, – затаились на том берегу.
Что могу я один? Ничего не могу.
Отказали глаза. Притупилось чутье.
Где вы, волки, бывшее лесное зверье?
Где же ты, желтоглазое племя мое?!

Я живу. Но теперь окружают меня
Звери, волчьих не знавшие кличей.
Эти псы – отдаленная наша родня,
Мы их раньше считали добычей.

Улыбаюсь я волчьей улыбкой врагу,
Обнажаю гнилые осколки.
Но – на татуированном кровью снегу
Наша роспись: мы больше не волки!

МОЙ ГАМЛЕТ

«Водой наполненные горсти...»⁴⁹

Водой наполненные горсти
Ко рту спешили поднести.
Впрок пили воду черногорцы
И жили впрок – до тридцати.

А умирать почетно было
От пуль и матовых клинков
И уносить с собой в могилу
Двух-трех врагов, двух трех врагов.

Пока курок в ружье не стерся,

⁴⁹ Стихи написаны для кинофильма «Единственная дорога».

Стреляли с седел и с колен.
И в плен не брали черногорца –
Он просто не сдавался в плен.

А им прожить хотелось до ста,
До жизни жадным, – век с лихвой,
В краю, где гор и неба вдосталь.
И моря – тоже – с головой.

Шесть сотен тысяч равных порций
Воды живой в одной горсти...
Но проживали черногорцы
Свой долгий век до тридцати.

И жены их водой помянут,
И спрячут их детей в горах
До той поры, пока не станут
Держать оружие в руках.

Беззвучно надевали траур,
И заливали очаги,
И молча лили слезы в травы,
Чтоб не слышали враги.

Чернели женщины от горя,
Как плодородные поля.
За ними вслед чернели горы,
Себя огнем испепеля.

То было истинное мщенье.
Бессмысленно себя не жгут!
Людей и гор самосожженье
Как несогласие и бунт.

И пять веков как божьей кары,
Как мести сына за отца
Пылали горные пожары
И черногорские сердца.

Цари менялись, царедворцы,
Но смерть в бою всегда в чести...
Не уважали черногорцы
Проживших больше тридцати.

Мне одного рожденья мало,
Расти бы мне из двух корней...
Жаль, Черногория не стала
Второю родиной моей.

Мой Гамлет

Я только малость объясню в стихе,
На все я не имею полномочий...
Я был зачат, как нужно, во грехе,
В поту и в нервах первой брачной ночи.

Да, знал я, отрываясь от земли:
Чем выше мы, тем жестче и суровой;
Я шел спокойно прямо в короли
И вел себя наследным принцем крови.

Я знал – все будет так, как я хочу.
Я не бывал внакладе и в уроне.
Мои друзья по школе и мечу
Служили мне, как их отцы – короне.

Не думал я над тем, что говорю,
И с легкостью слова бросал на ветер.
Мне верили и так, как главарю,
Все высокопоставленные дети.

Пугались нас ночные сторожа,
Как оспую, болело время нами.
Я спал на кожах, мясо ел с ножа
И злую лошадь мучал стремями.

Я знал, мне будет сказано: «Царуй!»
Клеймо на лбу мне рок с рожденья выжег.
И я пьянел среди чеканных сбруй,
Был терпелив к насилью слов и книжек.

Я улыбаться мог одним лишь ртом,
А тайный взгляд, когда он зол и горек,
Умел скрывать, воспитанный шутком.
Шут мертв теперь... «Аминь! Бедняга Йорик!»

Но отказался я от дележа
Наград, добычи, славы, привилегий:
Вдруг стало жаль мне мертвого паж...
Я объезжал зеленые побеги.

Я позабыл охотничий азарт,
Возненавидел и борзых, и гончих.
Я от подранка гнал коня назад
И плетью бил загонщиков и ловчих.

Я видел: наши игры с каждым днем
Все больше походили на бесчинства.
В проточных водах по ночам, тайком
Я отмывался от дневного свинства.

Я прозревал, глупея с каждым днем,
И – прозевал домашние интриги.

Не нравился мне век, и люди в нем
Не нравились. И я зарылся в книги.

Мой мозг, до знаний жадный как паук,
Все постигал: неподвижность и движение,
Но толку нет от мыслей и наук,
Когда повсюду им опровержение.

С друзьями детства перетерлась нить.
Нить Ариадны оказалась смехом.
Я бился над словами – «быть – не быть»,
Как над неразрешимой дилеммой.

Но вечно, вечно плещет море бед.
В него мы стрелы мечем – в сито просо,
Отсеивая призрачный ответ
От вычурного этого вопроса.

Зов предков слыша сквозь затихший гул,
Пошел на зов, – сомненья крались с тылу,
Груз тяжелых дум наверх меня тянул,
А крылья плоти вниз влекли, в могилу.

В непрочный сплав меня спаяли дни,
Едва застыв, он начал расползаться.
Я пролил кровь, как все. И, как они,
Я не сумел от мести отказаться.

А мой подъем пред смертью – есть провал.
Офелия! Я тленья не приемлю.
Но я себя убийством уравниал
С тем, с кем я лег в одну и ту же землю.

Я Гамлет, я насилье презирал.
Я наплевал на датскую корону.
Но в их глазах – за трон я глотку рвал
И убивал соперника по трону.

Но гениальный всплеск похож на бред.
В рождение смерть проглядывает косо.
А мы все ставим каверзный ответ
И не находим нужного вопроса.

«Кто-то высмотрел плод...»⁵⁰

Кто-то высмотрел плод, что наспел, наспел.
Потрусили за ствол – он упал, упал.
Вот вам песня о том, кто не спел, не спел
И что голос имел – не узнал, не узнал.

⁵⁰ Стихи написаны для дискоспектакля «Алиса в стране чудес».

Может, быть с судьбой нелады, нелады
И со случаем плохи дела, дела,
А тугая струна на лады, на лады
С незаметным изъязном легла.

Он начал робко с ноты «до»,
Но не допел ее, не до...
Не дозвучал его аккорд
И никого не вдохновил.
Собака лаяла, а кот
Мышей ловил.

Смешно, не правда ли, смешно?..
А он шутил – не дошутил,
Не дораспробовал вино,
И даже не допригубил.

Он пока лишь затеивал спор, спор
Неуверенно и не спеша, не спеша.
Словно капельки пота из пор, из пор,
Из-под кожи сочилась душа, душа.
Только начал дуэль на ковре, на ковре,
Еле-еле, едва приступил.
Лишь чуть-чуть осмотрелся в игре,
И судья еще счет не открыл.

Он знать хотел все от и до,
Но не добрался он, не до...
Ни до догадки, ни до дна,
Не докопался до глубин
И ту, которая одна,
Не долюбил, не долюбил.

Смешно, не правда ли, смешно?
А он спешил – не доспешил.
Осталось недорешено
Все то, что он не дорешил.

Ни единою буквой не лгу, не лгу.
Он был чистого слога слуга, слуга,
Он писал ей стихи на снегу, на снегу...
К сожалению, тают снега.
Но тогда еще был снегопад, снегопад
И свобода писать на снегу,
И большие снежинки, и град, и град
Он губами хватал на бегу.

Но к ней в серебряном ландо
Он не добрался и не до...
Не добежал бегун – беглец,
Не долетел, не доскакал.

А звездный знак его – Телец
Холодный Млечный путь лакал.

Смешно, не правда ли, смешно,
Когда секунд недостает,
Недостающее звено,
И недолет, и недолет.
Смешно, не правда ли?
Ну вот,
И вам смешно, и даже мне...
Конь на скаку и птица влет
По чьей вине, по чьей вине, по чьей вине?..

Маски

Смеюсь навзрыд, как у кривых зеркал,
Меня, должно быть, ловко разыграли:
Крючки носов и до ушей оскал
Как на венецианском карнавале.

Что делать мне? Бежать, да поскорей?
А может, вместе с ними веселиться?
Надеюсь я – под маскою зверей
У многих человеческие лица.

Все в масках, париках – все, как один.
Кто сказочен, а кто – литературен.
Сосед мой справа – грустный Арлекин,
Другой – палач, а каждый третий – дурень.

Я в хоровод вступаю хохоча,
Но все-таки мне беспокойно с ними,
А вдруг кому-то маска палача
Понравится, и он ее не снимет?

Вдруг Арлекин навеки грустит,
Любуясь сам своим лицом печальным?
Что, если дурень свой дурацкий вид
Так и забудет на лице нормальном?

Вокруг меня смыкается кольцо,
Меня хватают, вовлекают в пляску.
Так-так, мое обычное лицо
Все остальные приняли за маску.

Петарды, конфетти! Но все не так...
И маски на меня глядят с укором.
Они кричат, что я опять не в такт,
Что наступаю на ноги партнерам.

Смеются злые маски надо мной,

Веселые – те начинают злиться,
За маской пряча, словно за стеной,
Свои людские подлинные лица.

За музами гоняюсь по пятам,
Но ни одну не попрошу открыться:
Что, если маски сброшены, а там
Все те же полумаски-полулица?

Я в тайну масок все-таки проник.
Уверен я, что мой анализ точен:
И маска равнодушья у иных
Защита от плевков и от пощечин.

Как доброго лица не прозевать,
Как честных угадать наверняка мне?
Они решили маски надевать,
Чтоб не разбить свое лицо о камни.

Баллада о борьбе⁵¹

Средь оплывших свечей и вечерних молитв,
Средь военных трофеев и мирных костров
Жили книжные дети, не знавшие битв,
Изнывая от мелких своих катастроф.

Детям вечно досаден
Их возраст и быт.
И дрались мы до ссадин,
До смертных обид.
Но одежды латали
Нам матери в срок,
Мы же книги глотали,
Пьянея от строк.

Липли волосы нам на вспотевшие лбы,
И сосало под ложечкой странно от фраз,
И кружил наши головы запах борьбы,
Со страниц пожелтевших стекая на нас.

И пытались постичь
Мы, не знавшие войн,
За воинственный клич
Принимавшие вой,
Тайну слова «приказ»,
Назначение границ,
Смысл атаки и лязг
Боевых колесниц.

⁵¹ Написана для кинофильма «Стрелы Робин Гуда».

А в кипящих котлах прежних войн и смут
Столько пищи для маленьких наших мозгов.
Мы на роли предателей, трусов, иуд
В детских играх своих назначали врагов.

И злодея слезам
Не давали остыть,
И прекраснейших дам
Обещали любить,
И, друзей успокоив
И ближних любя,
Мы на роли героев
Вводили себя.

Только в грезы нельзя насовсем убежать,
Краткий миг у забав, столько воли вокруг.
Попробуйся у мертвых ладони разжать
И оружие принять из натруженных рук.

Испытай, завладев
Еще теплым мечом
И доспехи надев,
Что почем, что почем?!
Разберись, кто ты – трус
Иль избранник судьбы,
И попробуй на вкус
Настоящей борьбы.

У когда упадет, весь израненный, друг,
И над первой потерей ты взвоешь, скорбя,
И когда ты без кожи останешься вдруг
Оттого, что убили его – не тебя,

Ты поймешь, что узнал,
Отличил, отыскал
По оскалу забрал
Это смерти оскал.
Ложь и зло – погляди,
Как их лица грубы,
И всегда позади
Воронье и гробы.

Если путь прорубая отцовским мечом,
Ты соленые слезы на ус намотал,
Если в жарком бою испытал, что почем,
Значит, нужные книги ты в детстве читал.

Если мяса с ножа
Ты не ел ни куска,
Если руки сложа
Наблюдал свысока
И в борьбу не вступил

С подлецом, палачом,
Значит, в жизни ты был
Ни при чем, ни при чем!

Баллада о вольных стрелках⁵²

Если рыщут за твоей
Непокорной головой,
Чтоб петлей худую шею
Сделать более худой,
Нет надежнее приюта,
Скройся в лес, не пропадешь,
Если продан ты кому-то
С потрохами не за грош.

Бедняки и бедолаги,
Презирая жизнь слуги,
И бездомные бродяги,
У кого одни долги,
Все, кто загнан, неприкаян,
В этот вольный лес бегут,
Потому что здесь хозяин
Славный парень, Робин Гуд.

Здесь с полслова понимают,
Не боятся острых слов,
Здесь с почетом принимают
Оторви-сорви-голов.
И скрываются до срока
Даже рыцари в лесах.
Кто без страха и упрека,
Тот всегда не при деньгах.

Знают все олени тропы,
Словно линии руки,
В прошлом слуги и холопы,
Ныне – вольные стрелки.
Здесь того, кто все теряет,
Защитят и сэберегут.
По лесной стране гуляет
Славный парень, Робин Гуд.

И живут и поживают
Всем запретам вопреки
И ничуть не унывают
Эти вольные стрелки.
Спят, укывшись звездным небом,
Мох под ребра положив.
Им, какой бы холод ни был,

⁵² Написана для кинофильма «Стрелы Робин Гуда».

Жив, и славно, если жив.

Но вздыхают от разлуки:
Где-то дом и клочок земли,
Да поглаживают луки,
Чтоб в бою не подвели.
И стрелков не сыщешь лучших.
Что же завтра, где их ждут?
Скажет лучший в мире лучник,
Славный парень, Робин Гуд.

Баллада о времени⁵³

Замок временем скрыт и укутан, укрыт
В нежный плед из зеленых побегов,
Но развяжет язык молчаливый гранит,
И холодное прошлое заговорит
О походах, боях и победах.

Время подвиги эти не стерло.
Оторвать от него верхний пласт
Или взять его крепче за горло,
И оно свои тайны отдаст.

Упадут сто замков, и спадут сто оков,
И сойдут сто потов с целой груды веков,
И польются легенды из сотен стихов
Про турниры, осады, про вольных стрелков.

Ты к знакомым мелодиям ухо готовь
И гляди понимающим оком.
Потому что любовь – это вечно любовь,
Даже в будущем нашем далеком.

Звонко лопалась сталь под напором меча,
Тетива от натуги дымилась,
Смерть на копьях сидела, утробно урча,
В грязь валились враги, о пощаде крича,
Победившим сдаваясь на милость.

Но не все, оставаясь живыми,
В доброте сохранили сердца,
Защитив свое доброе имя
От заведомой лжи подлеца.

Хорошо, если конь закусил удила
И рука на копье поудобней легла,
Хорошо, если знаешь, откуда стрела,
Хуже, если по-подлому, из-за угла.

⁵³ Написана для кинофильма «Стрелы Робин Гуда».

Как у вас там с мерзавцами? Бьют?
Поделом. Ведьмы вас не пугают шабашем?
Но не правда ли, зло называется злом
Даже там, в светлом будущем нашем.

И во веки веков, и во все времена
Трус-предатель всегда презираем.
Враг есть враг, и война все равно есть война,
И темница тесна, и свобода одна,
И всегда на нее уповаем.

Время эти понятия не стерло.
Нужно только поднять верхний пласт
И дымящейся кровью из горла
Чувства вечные хлынут из нас.

Нынче присно, во веки веков, старина,
И цена есть цена, и вина есть вина,
И всегда хорошо, если честь спасена,
Если духом надежно прикрыта спина.

Чистоту, простоту мы у древних берем,
Сами сказки из прошлого тащим
Потому, что добро остается добром
В прошлом, будущем и настоящем.

«Проделав брешь в затишье...»

Проделав брешь в затишье,
Весна идет в штыки,
И высунули крыши
Из снега языки.
Голодная до драки,
Оскалилась весна.
Как с языка собаки,
Стекает с крыш слюна.

Весенние армии жаждут успеха,
Все ясно, и стрелы на карте прямы,
И войны в легких небесных доспехах
Врубаются в белые рати зимы.

Но рано веселиться!
Сам зимний генерал
Никак своих позиций
Без боя не сдавал.
Тайком под белым флагом
Он собирал войска
И вдруг ударил с фланга
Мороз исподтишка.

И битва идет с переменным успехом:
Где свет и ручьи – где поземка и мгла,
И воины в легких небесных доспехах
С потерями вышли назад из котла.

Морозу удирать бы,
А он впадает в жар:
Играет с вьюгой свадьбу –
Не свадьбу, а шабаш.
Окно скрипит фрамугой –
То ветер перебрал.
Но он напрасно с вьюгой
Победу пировал.

Пусть в зимнем тылу говорят об успехах
И наглые сводки приходят из мглы,
Но воины в легких небесных доспехах
Врубаются клиньями в царство зимы.

Откуда что берется!
Сжимается без слов
Рука тепла и солнца
На горле холодов.
Не совершиться чуду –
Снег виден лишь в тылах,
Войска зимы повсюду
Бросают белый флаг.

И дальше на север идет наступленье,
Запела вода, пробуждаясь от сна.
Весна неизбежна, ну, как обновленье,
И необходима, как просто весна.

Кто сладко жил в морозы,
Тот ждет и точит зуб
И проливает слезы
Из водосточных труб.
Но только грош им, нищим,
В базарный день цена.
На эту землю свыше
Ниспослана весна.

Два слова войскам: – несмотря на успехи,
Не прячьте в чулан или старый комод
Небесные легкие ваши доспехи.
Они пригодятся еще через год.

Я не успел

Свет новый не единожды открыт,

А старый – весь разбили на квадраты.
К ногам упали тайны пирамид,
К чертям пошли гусары и пираты.

Пришла пора всезнающих невежд,
Все выстроено в стройные шеренги.
За новые идеи платят деньги,
И больше нет на «эврику» надежд.

Все мои скалы ветры гладко выбрили,
Я опоздал ломать себя на них.
Все золото мое в Клондайке выбрали,
Мой черный флаг в безветрии поник.

Под илом сгнили сказочные струги,
И Могикан последних замели.
Мои контрабандистские фелюги
Сухие ребра сушат на мели.

Висят кинжалы добрые в углу
Так плотно в ножнах, что не втиснусь между,
Мой плот папирусный – последнюю надежду –
Волна в щелы разбила о скалу.

Вон из рядов мои партнеры выбыли.
У них сбылись гаданья и мечты.
Все крупные очки они повыбили
И за собою подожгли мосты.

Азартных игр теперь наперечет.
Авантюристы всех мастей и рангов
По прериям пасут домашний скот,
Там кони пародируют мустангов.

И состоялись все мои дуэли,
Где б я почел участие за честь.
И выстрелы, и эхо – отгремели...
Их было много – всех не перечесать.

Спокойно обошлись без нашей помощи
Все те, кто дело сделали мое.
И по щекам отхлестанные сволочи
Фалангами ушли в небытие.

Я не успел произнести: «К барьеру!»
А я за залп в Дантеса все отдам.
Что мне осталось? Разве красть химеру
С туманного собора Норт-Дам?!

В других веках, годах и месяцах
Все женщины мои отжить успели,
Позанимали все мои постели,

Где б я хотел любить – и так, и в снах.

Захвачены все мои одры смертные,
Будь это снег, трава иль простыня.
Заплаканные сестры милосердия
В госпиталях обмыли не меня.

Ушли друзья сквозь вечность-решето.
Им всем досталась лета или прана.
Естественную смертью – никто:
Все противоестественно и рано.

Иные жизнь закончили свою,
Не осознав вины, не скинув платья.
И, выкрикнув хвалу, а не проклятье,
Спокойно чашу выпили свою.

Другие знали, ведали и прочее,
Но все они на взлете, в нужный год
Отправили, отпели, отпророчили...
Я не успел. Я прозевал свой взлет.

Сон

Сон мне: желтые огни, и хриплю во сне я;
Повремени, повремени, утро – мудренее.
Но и утром все не так, нет того веселья,
Или куришь натошак, или пьешь с похмелья.

В кабаках зеленый штоф, белые салфетки.
Рай для нищих и шутов, мне ж – как птице в клетке.
В церкви смрад и полумрак, дьяки курят ладан.
Нет, и в церкви все не так, все не так, как надо.

Я на гору впопыхах, чтоб чего не вышло.
На горе стоит ольха, под горою вишня.
Был бы склон увит плющом – мне б и то отрада,
Хоть бы что-нибудь еще – все не так, как надо.

Я по полю вдоль реки. Свет и тьма. Нет бога.
В чистом поле васильки, дальняя дорога.
Вдоль дороги лес густой с бабами-ягами,
А в конце дороги той плаха с топорами.

Где-то кони пляшут в такт, нехотя и плавно.
Вдоль дороги все не так, а в конце подавно.
И ни церковь, ни кабак – ничего не свято...
Нет, ребята, все не так, все не так, ребята!

«Дурацкий сон как кистенем...»

Дурацкий сон как кистенем
Избил нещадно.
Невнятно выглядел я в нем
И неприглядно
Во сне я лгал и предавал
И льстил легко я...
А я и не подозревал
В себе такое.

Еще сжимал я кулаки
И бил с натугой.
Но мягкой кистию руки,
А не упругой.
Тускнело сновиденье, но
Опять являлось.
Смыкались веки, и оно
Возобновлялось.

Я не шагал, а семенил
На ровном бруссе,
Ни разу ногу не сменил,
Трусил и трусил.
Я перед сильным лебезил,
Пред злобным гнулся.
И сам себе я мерзок был,
Но не проснулся.

Да это бред! Я свой же стон
Слышал сквозь дрему,
Но это мне приснился он,
А не другому.
Очнулся я и разобрал
Обрывок стона.
И с болью веки разодрал,
Но облегченно.

И сон повис на потолке
И распластался.
Сон в руку ли? И вот в руке
Вопрос остался.
Я вымыл руки – он в спине
Холодной дрожью.
Что было правдою во сне,
Что было ложью?

Коль это сновиденье – мне
Еще везенье.
Но если было мне во сне
Ясновиденье?
Сон – отраженье мыслей дня?
Нет, быть не может!

Но вспомню – и всего меня
Перекорежит.

А вдруг – в костер?! И нет во мне
Шагнуть к костру сил.
Мне будет стыдно, как во сне,
В котором струсил.
Иль скажут мне: – пой в унисон,
Жми что есть духу!..
И я пойму: вот это сон,
Который в руку.

Две судьбы

Жил я славно в первой трети
Двадцать лет на белом свете по влечению.
Жил безбедно и при деле,
Плыл – куда глаза глядели по течению.

Думал: вот она, награда,
Ведь ни веслами не надо, ни ладонями.
Комары, слепни да осы
Донимали, кровососы, да не доняли.

Слышал, с берега вначале
Мне о помощи кричали, о спасении...
Не дождались, бедолаги,
Я лежал чумной от браги, в расслаблении.

Заскрипит ли в повороте,
Крутанет в водовороте – все исправится.
То разуюсь, то обуюсь,
На себя в воде люблюсь – очень нравится!

Берега текут за лодку,
Ну а я ласкаю глотку медовухой.
После лишнего глоточку,
Глядь, плыву не в одиночку – со старухой.

И пока я удивлялся,
Пал туман, и оказался в гиблом месте я.
И огромная старуха
Хохотнула прямо в ухо, злая бестия.

Я кричу – не слышу крика,
Не вяжу от страха лыка, вижу плохо я.
На ветру меня качает. – Кто здесь?
– Слышу, отвечает: – Я, нелегкая!

Брось креститься, причитая,
Не спасет тебя святая богородица!

Тех, кто руль и весла бросит,
Враз нелегкая заносит – так уж водится.

Я впотьмах ищу дорогу,
Медовуху – понемногу, только по сто пью.
А она не засыпает,
Впереди меня ступает тяжкой поступью.

Вот споткнулась о коренья,
От большого ожиренья гнусно охая,
У нее одышка даже,
А заносит ведь туда же, тварь нелегкая.

Вдруг навстречу нам живая
Колченогая кривая морда хитрая.
– Ты, – кричит, – стоишь над бездной,
Я спасу тебя, болезный, слезы вытру я.

Я спросил: – Ты кто такая?
А она мне: – Я, кривая. Воз молвы везу.
И хоть я кривобока,
Криворука, кривоока, я, мол, вывезу.

Я воскликнул, наливая:
– Вывози меня, кривая, я на привязи.
Я тебе и жбан поставлю,
Кривизну твою исправлю – только вывези.

И ты, нелегкая, маманя,
На-ка истину в стакане, больно нервная!
Ты забудь себя на время,
Ты же, толстая, в гареме будешь первая!

И упали две старухи
У бутылки медовухи в пьянь-истеричку.
Ну а я за кочки прячусь,
Озираюсь, задом пячусь

Лихо выгреб на стремнину
В два гребка на середину.
Ох, пройдоха я!
Чтоб вы сдохли, выпивая,
Две судьбы мои – кривая да нелегкая!

«Беда!..»

Беда!
Теперь мне кажется, что мне не успеть за собой.
Всегда
Как будто в очередь встаю за судьбой.
Дела!

Меня замучили дела – каждый миг, каждый час, каждый день.
Дотла
Сгорело время, да и я – нет меня, только тень.
Ты ждешь.
А может, ждать уже устал и ушел или спишь...
Ну что ж,
Быть может, мысленно со мной говоришь.
Теперь
Ты должен вечер мне один подарить, подарить.
Поверь,
Мы будем много говорить.
Опять
Все время новые дела у меня, все дела.
Догнать,
Или успеть, или найти – нет, опять не нашла.
Беда!
Теперь мне кажется, что мне не успеть за собой.
Всегда
Как будто в очередь встаю за тобой...
Теперь
Ты должен вечер мне один подарить, подарить.
Поверь,
Мы будем много говорить.
Подруг
Давно не вижу, все дела у меня, все дела...
И вдруг
Сгорели пламенем дотла – не дела, а зола.
Весь год
Он ждал, но больше ждать ни дня не хотел,
И вот
Не стало вовсе у меня добрых дел.
Теперь
Ты должен вечер мне один подарить, подарить
Поверь,
Что мы не будем говорить.

Случай

Мне в ресторане вечером вчера
Сказала с юморком и с этикетом,
Что киснет водка, выдохлась икра
И что у них ученый по ракетам.

И, многих помня с водкой пополам,
Не разобрав, что плещется в бокале,
Я, улыбаясь, подходил к столам
И отзывался, если окликали.

Вот он, надменный, словно Решелье,
Почтенный, словно папа в старом скетче.
Но это был директор ателье

И не был засекреченный ракетчик.

Со мной гитара, струны к ней в запас,
И я гордился тем, что тоже в моде.
К науке тяга сильная сейчас,
Но и к гитаре тяга есть в народе.

Я выпил залпом и разбил бокал.
Мгновенно мне гитару дали в руки.
Я три своих аккорда перебрал,
Запел и запил от любви к науке.

И, обнимая женщину в колье
И сделав вид, что хочет в песню вжиться,
Задумался директор ателье
О том, что завтра скажет сослуживцам.

Я пел и думал: вот икра стоит,
А говорят, кеты не стало в реках...
А мой ученый где-нибудь сидит
И мыслит в миллионах и в парсеках...

Он предложил мне позже на дому,
Успев включить магнитофон в портфеле:
«Давай дружить домами». Я ему
Сказал: «Давай, мой дом – твой дом моделей».

И я нарочно разорвал струну,
И, утаив, что есть запас в кармане,
Сказал: «Привет, зайти не премину,
Но только если будет марсианин...»

Я шел домой под утро, как старик.
Мне под ноги катились дети с горки,
И аккуратный первый ученик
Шел в школу получать свои пятерки.

Ну что ж, мне поделом и по делам,
Лишь первые пятерки получают...
Не надо подходить к чужим столам
И отзываться, если окликают.

«Мне судьба – до последней черты, до креста»

Мне судьба – до последней черты, до креста
Спорить до хрипоты, а за ней – немота,
Убеждать и доказывать с пеной у рта,
Что не то это вовсе, не тот и не та...

Что лабазники врут про ошибки Христа,
Что пока еще в грунт не вляжалась плита,

Что под властью татар жил Иван Калита
И что был не один против ста.

Триста лет под татарами – жизнь еще та,
Маета трехсотлетняя и нищета.
И намерений добрых, и бунтов тщета.
Пугачевщина, кровь и опять – нищета.

Пусть не враз, пусть сперва не поймут ни черта,
Повторю, даже в образе злого шута...
Но не стоит предмет, да и тьма не та:
«Суета всех сует – все равно суета».

Только чашу испить – не успеть на бегу,
Даже если разлить – все равно не смогу.
Или выплеснуть в наглую рожу врагу?
Не ломаюсь, не лгу – не могу. Не могу!

На вертящемся гладком и скользком кругу
Равновесье держу, изгибаюсь в дугу!
Что же с ношею делать – разбить? Не могу!
Потреплю и достойного подстерегу.

Передам, и не надо держаться в кругу,
И в кромешную тьму, и в неясную згу,
Другу передоверивши чашу, сбегу...
Смог ли он ее выпить – узнать не смогу.

Я с сошедшими с круга пасусь на лугу,
Я о чаше невыпитой здесь ни гугу,
Никому не скажу, при себе сберегу.
А сказать – и затопчут меня на лугу.

Я до рвоты, ребята, за вас хлопочу.
Может, кто-то когда-то поставит свечу
Мне за голый мой нерв, на котором кричу,
За веселый манер, на котором шучу.

Даже если сулят золотую парчу
Или порчу грозят напустить – не хочу!
На ослабленном нерве я не зазвучу,
Я уж свой подтяну, подновлю, подвинчу!

Лучше я загуляю, запью, заторчу!
Все, что за ночь копаю, – в саду растопчу!
Лучше голову песне своей откручу,
Чем скользить и вихлять, словно пыль по лучу.

Если все-таки чашу испить мне судьба,
Если музыка с песней не слишком груба,
Если вдруг докажу, даже с пеной у рта,
Я уйду и скажу, что не все суета!

Я не люблю⁵⁴

Я не люблю фатального исхода,
От жизни никогда не устаю.
Я не люблю любое время года,
Когда веселых песен не пою.

Я не люблю холодного цинизма,
В восторженность не верю, и еще:
Когда чужой мои читает письма,
Заглядывая мне через плечо.

Я не люблю, когда наполовину
Или когда прервали разговор.
Я не люблю, когда стреляют в спину,
Но, если надо, выстрелю в упор.

Я ненавижу сплетни в виде версий,
Червей сомненья, почестий иглу,
Или когда все время против шерсти,
Или когда железом по стеклу.

Я не люблю уверенности сытой,
Уж лучше пусть откажут тормоза.
Досадно мне, коль слово «честь» забыто
И коль в чести наветы за глаза.

Когда я вижу сломанные крылья,
Нет жалости во мне, и неспроста:
Я не люблю насилья и бессилья,
Вот только жаль распятого Христа.

Я не люблю себя, когда я трушу,
И не терплю, когда невинных бьют,
Я не люблю, когда мне лезут в душу,
Тем более, когда в нее плюют.

Я не люблю манежи и арены,
На них мильон меняют по рублю,
Пусть впереди большие перемены –
Я это никогда не полюблю.

«Если где-то в чужой незнакомой ночи...»

Если где-то в чужой незнакомой ночи
Ты споткнулся и ходишь по краю,
Не таись, не молчи, до меня докричи –

⁵⁴ Из спектакля «Свой остров».

Я твой голос услышу, узнаю.

Может, с пулей в груди ты лежишь в спелой ржи?
Потерпи – я спешу, и усталости ноги не чувю.
Мы вернемся туда, где и воздух и травы врачуют,
Только ты не умри, только кровь удержи.

Если ж конь под тобою, ты домой, доскачи.
Конь дорогу отыщет буланый
В те края, где всегда бьют живые ключи,
И они исцелят твои раны.

Где ты, друг, – взаперти или в долгом пути,
На развилках каких, перепутьях и перекрестках?!
Может быть, ты устал, приуныл,
Заблудился в трех соснах
И не можешь обратно дорогу найти?..

Здесь такой чистоты из-под снега ручьи,
Не найдешь – не придумаешь краше.
Здесь цветы, и кусты, и деревья – ничьи,
Стоит нам захотеть – будут наши.

Если трудно идешь, по колено в грязи,
Да по острым камням, босиком по воде по студеной,
Пропыленный, обветренный, дымный, огнем опаленный,
Хоть какой доберись, добреди, доползи.

Кони привередливые

Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю
Я коней своих нагайкою стегаю – погоняю.
Что-то воздуха мне мало, ветер пью, туман глотаю,
Чую с гибельным восторгом: «Пропадаю, пропадаю!»

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Вы тугую не слушайте плеть.
Что-то кони мне попались привередливые...
Я дожить не смогу, мне допеть не успеть.

Я коней напою, я куплет допою,
Хоть мгновенье еще постою на краю.

Сгину я: меня пушинкой ураган сметет с ладони,
И в санях меня галопом повлекут по снегу утром.
Вы на шаг неторопливый перейдите, мои кони,
Хоть немного, но продлите путь к последнему приюту!

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Умоляю вас вскачь не лететь.
Что за кони мне попались привередливые!

И дожить я не смог, и допеть – не успеть.

Я коней напою, я куплет допою,
Хоть мгновенье еще постою на краю!..

Мы успели. В гости к богу не бывает опозданий.
Что ж там ангелы поют такими злыми голосами?!
Или это колокольчик весь зашелся от рыданий,
Или я кричу коням, чтоб не несли так быстро сани.

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Не указчики вам кнут и плеть.
Что-то кони мне попались привередливые?!
Коль дожить не успел, так хотя бы допеть!

Я коней напою, я куплет допою,
Хоть мгновенье еще постою на краю!

«Чту Фауста ли, Дориана Грея ли...»

Чту Фауста ли, Дориана Грея ли,
Но чтобы душу дьяволу – ни-ни!
Зачем цыганки мне гадать затеяли?
День смерти называли мне они.
Ты эту дату, боже сохрани,
Не отмечай в своем календаре – или
В последний час возьми и измени,
Чтоб я не ждал, чтоб вороны не реяли
И ангелы чтоб жалобно не бреяли,
Чтоб люди не хихикали в тени,
Скорее защити и охрани!
Скорее, ибо душу мне они
Сомнениями и страхами засеяли.

Корабли

Корабли постоят
И ложатся на курс,
Но они возвращаются
Сквозь непогоду...
Не пройдет и полгода
И я появлюсь,
Чтобы снова уйти на полгода.

Возвращаются все,
Кроме лучших друзей,
Кроме самых любимых
И преданных женщин.
Возвращаются все,
Кроме тех, кто нужней.

Я не верю судьбе, а себе еще меньше.

Но как хочется думать,
Что это не так,
Что сжигать корабли
Скоро выйдет из моды.
Я, конечно, вернусь
И в друзьях, и в мечтах...
Я, конечно, спою – не пройдет и полгода.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Владимир Семенович Высоцкий (1938–1980) родился в Москве. Учился в инженерно-строительном институте (ушел с первого курса), затем – в школе-студии МХАТа (окончил в 1960 году). Работал в столичных театрах – в театре миниатюр, театре имени Пушкина. С 1964 года – в театре на Таганке. Снимался в кино, сыграл более двадцати пяти ролей. Произведения Владимира Высоцкого использованы во многих фильмах, спектаклях, записаны на грампластинках (фирма «Мелодия» выпустила его песни на семи дисках), транслировались по радио и телевидению, публиковались в «Дне поэзии», «Литературной газете», «Советской России» и других изданиях.